С 91(98)
Л 59

П. ЛИН

Завоевание Арктики

98375

...ское

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

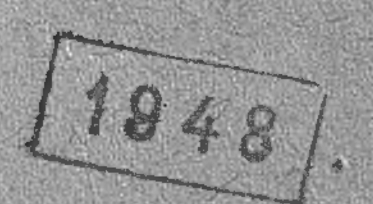
Колич. предыд. выдач.

Павел Лин

С 91(98)
Л 59

Завоевание Арктики

98375

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

1966 г.

1931 МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Государственное Учебно-педагогическое издательство

2922к

Кабинет Севера

Отзыв об этой книжке сообщите в журнал „Учебно-Педагогическая Книга“ Москва, Кузнецкий мост, 16, Учгиз.

91 (92)

ОГЛАВЛЕНИЕ

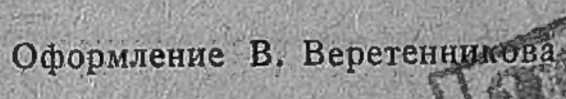
2002

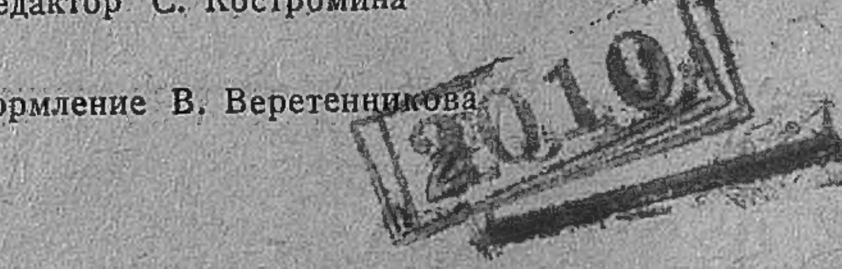

1995

1966 г

Редактор С. Костромина

Оформление В. Веретенникова

2010

У—27. Огиз № 459/м.

Ленинградский Областлит № 3234. Тираж 10.000—$3^{1}/_{2}$ л. Заказ № 264.

Государственная типография им. Евг. Соколовой, Ленинград, пр. Красных Командиров, 29.

Нейтрализация
20.10 г.

Светлой памяти
брата Моисея

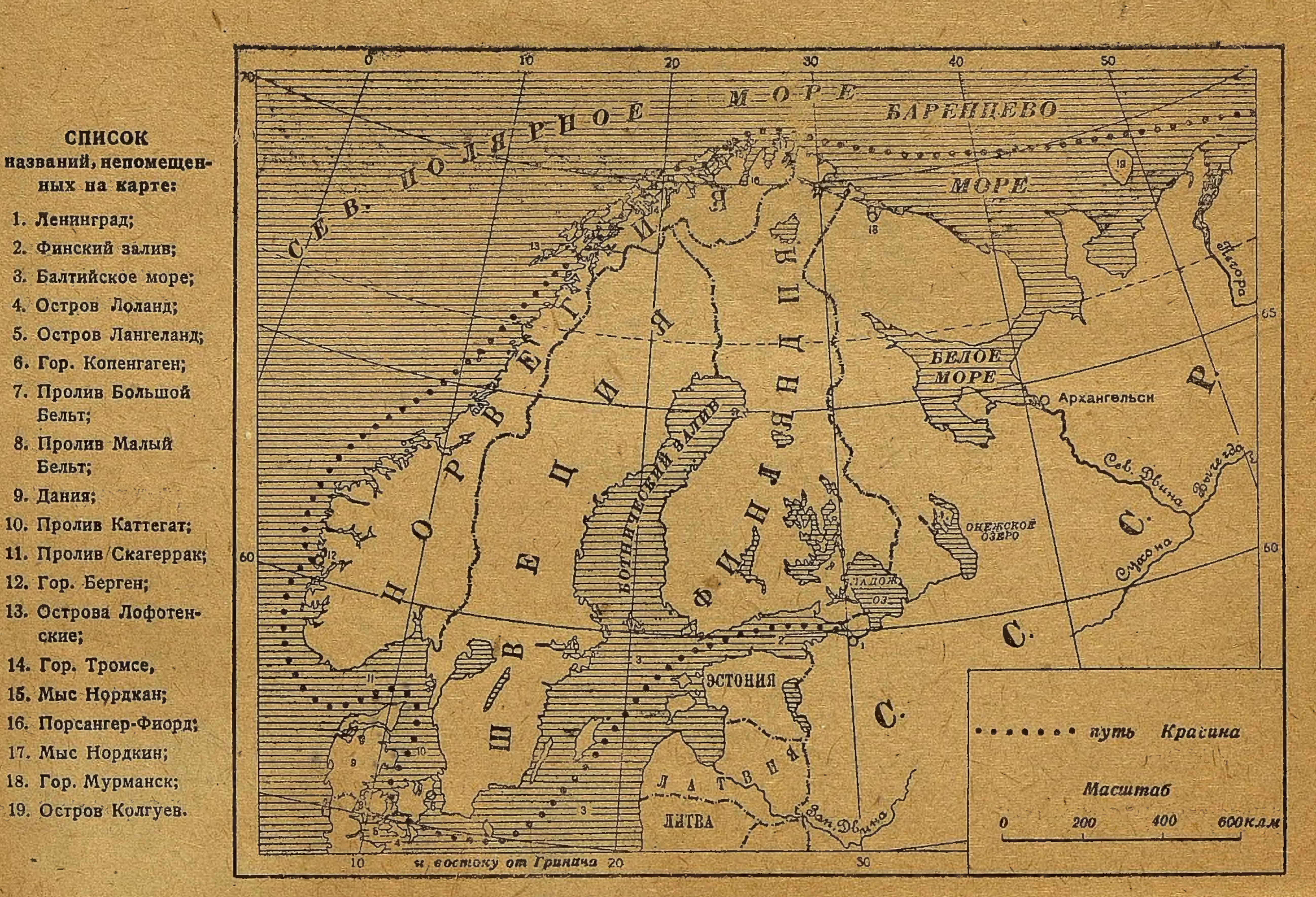
ОТ АВТОРА

Моя книга посвящена Карской экспедиции 1929 года. Из Европы в устья великих сибирских рек Оби и Енисея, через мрачные льды Карского моря, кратчайшим северным морским путем с помощью сильнейшего ледокола в мире «Красина», в этот год была сделана смелая попытка направить огромный караван из 28 судов . . . Поход этот был блестяще завершен!

В своей книге «Завоевание Арктики» я пытаюсь показать, что терпит крушение окутанная романтикой таинственная страна, доселе считавшаяся неприступной, на ее месте, по крайней мере в той части, которая примыкает к Советскому Союзу, создается новая, советская, индустриализирующаяся Арктика.

СПИСОК
названий, непомещенных на карте:

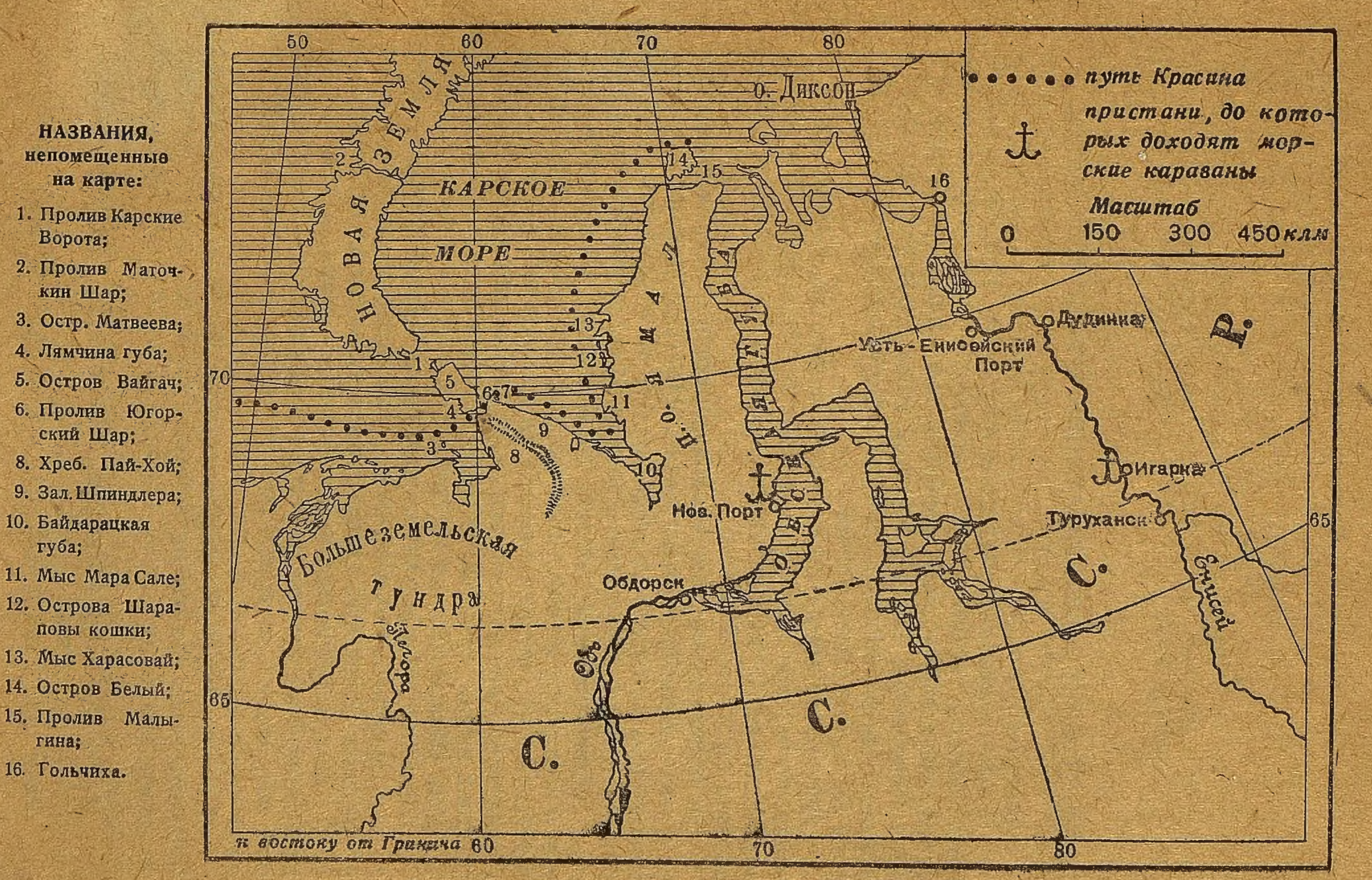
1. Ленинград;
2. Финский залив;
3. Балтийское море;
4. Остров Лоланд;
5. Остров Лангеланд;
6. Гор. Копенгаген;
7. Пролив Большой Бельт;
8. Пролив Малый Бельт;
9. Дания;
10. Пролив Каттегат;
11. Пролив Скагеррак;
12. Гор. Берген;
13. Острова Лофотенские;
14. Гор. Тромсе,
15. Мыс Нордкап;
16. Порсангер-Фиорд;
17. Мыс Нордкин;
18. Гор. Мурманск;
19. Остров Колгуев.

Карта — путь Красина (Европейская часть).

НАЗВАНИЯ,
непомещенные
на карте:

1. Пролив Карские Ворота;
2. Пролив Маточкин Шар;
3. Остр. Матвеева;
4. Лямчина губа;
5. Остров Вайгач;
6. Пролив Югорский Шар;
8. Хреб. Пай-Хой;
9. Зал. Шпиндлера;
10. Байдарацкая губа;
11. Мыс Мара Сале;
12. Острова Шараповы кошки;
13. Мыс Харасовай;
14. Остров Белый;
15. Пролив Малыгина;
16. Гольчиха.

Карта — путь Красина (Азиатская часть).

1. В поход за завоевание Северного пути

Опять «Красин»!

На этот раз «легендарный корабль» облачен в новую тогу. После героической романтики наступила деловая проза. «Красин» должен обогнуть всю Скандинавию, пройти Баренцово море, войти в Карские ворота и в ледяных полях Карского моря пробить сибирскому сырью кратчайшую дорогу на европейские рынки.

Лес, хлеб, лен, пенька, кудель, шерсть, волос, графит, уголь, кожа, масло... Трудно перечислить несметные сокровища Сибири. Сейчас они парализованы бездорожьем и ждут выхода на мировой рынок.

Великий сибирский железнодорожный путь неудобен тем, что он дорог и перегружен. На 100 квадратных километров приходится только лишь 0,06 километра железнодорожного пути! Поэтому в царские времена урожайные годы для сибирского крестьянина были такой же катастрофой, как и недород. Не имея выхода на рынки, хлеб на месте дешевел так, что уборка с полей стоила дороже самого хлеба. Пятилеткой предполагается постройка новых железнодорожных линий, которые позволят самым отдаленным местам Сибири соединиться с центром.

Помочь Сибири выйти из тупика — бездорожья — призван и Северный морской путь. А на ледокол «Красин» была возложена почетная задача провести караваны иностранных судов сквозь ледяные заторы Карского моря, чтобы в глухой сибирский тундре, в устьях великих рек Оби и Енисея, они встретились с десятками речных караванов и обменялись товарами.

По течениям Оби и Енисея шли когда-то исторические пути народов. По их же течению удобнее итти и экономическому освоению этой сказочно-богатой и нетронутой целины.

И вот «Красин» вышел из Ленинграда. Проводы носили скромный характер.

Речи представителей портовых организаций говорили

в сущности об одном: «Вам доверили «Красина»! Сохраните незапятнанным его великое имя! . .»

Сняли трап. С набережной Васильевского острова отдали концы. Заиграла матросская гармонь. По всей Неве, по Морскому каналу разливалась волна приветствий. На гигантских морских судах, мелких катерах, моторках, на крышах портовых сооружений — рабочие, махая шапками, кричали:

— «Красину», ура!

И до самого входа в Финский залив нас сопровождали отполированный моторный бот с начальником торгового порта и катер с семьями «красинцев».

Залив был спокоен. Дул легкий восточный ветер . . .

Огромная тяжесть взвалена на могучие плечи «Красина», который сейчас разрезает морскую рябь, торопясь в полярные воды. Там, как средневековый рыцарь в стальном панцыре, он будет пропускать через них иностранные торговые суда.

Во главе экспедиции полярный исследователь ученый гидролог и капитан дальнего плавания т. Евгенов, являющийся одним из ревностных бойцов за завоевание Северного морского пути.

Первое свое полярное плавание в качестве младшего штурмана и ассистента по гидрологическим работам он совершил в 1910 году на судне «Бакан», на котором поднялся вдоль западных берегов Новой Земли до ее самого северного пункта — мыса Желаний. Затем, пройдя южную часть Карского моря, он добрался вдоль западной части полуострова Ямала до Шараповых Кошек. В 1913 году т. Евгенов, в роли заведующего гидрологическими работами на ледокольном судне «Вайгач», вторгается в Арктику с востока через Берингов пролив, изучает Таймырский архипелаг и достигает 81° северной широты. Такой широты «Вайгач» достигает форсированием [1], а не дрейфом [2] во льдах.

Этот же неутомимый полярный исследователь в ответственной должности старшего штурмана в 1914/15 году осуществляет на судне «Таймыр» почти беспримерный переход по Северному Ледовитому океану с востока на запад. Знаменитый исследователь Норденшёльд прошел этот путь, но с запада на восток, одолев так называемый северо-западный проход. Таким же порядком на корабле «Мод» осуществил

---

[1] Форсировать льды — преодолевать их с помощью движения судна.

[2] Движение льда под влиянием течений, силы ветра.

этот полярный поход еще и Амундсен. В книге, посвященной походу на корабле «Мод», Амундсен справедливо отмечает, что только война помешала героям северо-восточного прохода быть по достоинству отмеченными в мировой печати.

Во время этого похода т. Евгенов сделал ряд чрезвычайно ценных научных наблюдений: в заливе Толя, совершая экскурсии на санях, он сделал опись побережья и впервые в полярной зоне исследовал верхние слои атмосферы с помощью подъема метеорологических змеев.

В революционные годы т. Евгенов работает еще более напряженно, 1920 год его застает в устьи Лены, в роли заведующего гидрографическими работами. Он делает съемку тех самых рукавов Лены, которые в свое время затянули и погубили самую трагическую и несчастную экспедицию Де-Лонга, заблудившуюся в дельте этой реки после оставления злосчастного судна «Жанетта». Впервые в реку Оленек, протекающую недалеко от Лены, вошел пароход. На нем был тот же Евгенов... Ограниченность места не позволяет даже схематически изложить бурную биографию человека, который два десятка лет во имя науки провел в стране вечного льда и мрака. В 1923 году он в качестве начальника гидрологической партии принимает участие в постройке радиостанции на Маточкином Шаре. В 1923/24 году руководит управлением по безопасному кораблевождению на севере. Летом 1924 года он изучает течения и производит съемку западного берега Новой Земли. В 1925 году он совершает поход на «Малыгине», руководя ледовой разведкой Карского моря. В 1926 году он пересаживается на ледокол «Седов» и берет в свои руки руководство всей Карской экспедицией. В 1927 году он возвращается на «Малыгина». В 1928 году — тот же «Малыгин», тот же начальник Карской экспедиции, тот же неутомимый полярный исследователь. Наконец в 1929 году с капитанского мостика «Красина» он всматривается в льды, читает их тайны в поисках прохода для самого большого каравана судов, который до сих пор когда-либо следовал через Карское море в Сибирь.

Автор трехтомного труда об устьях Лены и Оленека; ценнейших исследований Карского моря; многочисленных прочих научных трудов; изобретатель прибора для вычисления на ходу судна истинного направления и силы ветра; член полярной комиссии Академии наук; член Географического о-ва; член комиссии по изучению Якутии; член Аэроарктики; капитан дальнего плавания; ученый гидролог, награжденный золотой медалью Географического обще-

ства... — вот лишь слабые контуры портрета т. Евгенова!

Н. И. Евгенов особенно оживляется, когда беседа касается проблем, связанных с экономическим развитием Севера.

— Размах нынешней экспедиции поистине грандиозен, — говорит он, всматриваясь в морскую карту. — Нынешняя экспедиция — решающий этап в развитии Северного морского пути.

Еще в далекие времена Фритиоф Нансен и Норденшёльд признали, что Карское море проходимо и Северный морской путь — не легенда. Поэтому, принимая во внимание современные достижения науки и техники, можно твердо считать, что его будущее велико.

Диву даешься, как выдерживает корпус хотя бы и сильнейшего в мире ледокола свою десятитысячесильную машину, когда она вращает свои три шестнадцатитонных винта, нанизанных на валы в семнадцать дюймов в поперечнике.

Нансен подробно описал трудности полярных рейсов во мраке ночи. Теперешним путникам по Арктике пришло на помощь всемогущее радио. Советские радиостанции караулят Арктику во льдах Югорского Шара, Маточкина Шара, Земли Франца-Иосифа, Ямала, Диксона, Обдорска, Нового порта, Дудинки, Усть-енисейского порта. Они рассеяны и далее по Оби, Енисею...

Со времен Фритиофа Нансена наука ушла далеко вперед.

2. «Красин» в Европе

Балтийское море позади. «Красин» вошел в Большой Бельт и оказался между двух островов Дании. С левого борта виден Лангеланд, а с правого вырисовываются далекие контуры Лааланда. На Лангеланде, как на прилавке, разложены куски зеленого бархата датских полей, издали похожих на наши. Но знакомую отечественную картину нарушает готический стиль построек. Стоявший подле меня вахтенный матрос дал верную характеристику первой заграничной земле: «С виду похожа на Россию, да не та... Размаха нет нашего».

Дальше по пути в Берген гребни волн вздымались до верхнего мостика находящегося на огромной высоте, и окатывали нас с головы до пят, так что сухой нитки не оставалось.

Несмотря на это, стоявший рядом капитан т. Сорокин с олимпийским спокойствием заметил:

— Сегодня погода — благодать! .. Не океан, а озеро . . .

Несколько дней спустя, «Красина» так основательно покачивало, что трудно было пройти два шага, чтобы не удариться о стену, но наш метеоролог убеждал всех в том, что «очаг шторма» за десять тысяч миль от нас, где-то в беспредельных далях Атлантического океана.

Но вот уже видны шхеры. Мрачные, холодные, величавые в своей дикой красоте, они каменными изваяниями, острыми резцами обрисовывают извилистый путь к Арктике. Освещенные белой полярной ночью, они появились, когда мы вошли из открытого океана в Вест-фиорд.

Капитан кратко отметил прибытие. Пришли! ..

Рулевой, с округлыми отлитыми плечами, вздымал на снасть грот-мачты белый лоцманский флаг с синим квадратиком посредине.

— Ну и треплет бриз! .

Ветер выгладил все складки на полотнище, точно натянул его на раму. Этот развеваемый по ветру кусок белой тряпки с микроскопическим квадратиком звал лоцмана.

— Видите маяк? — уставил капитан колючие глаза в мутную полоску суши, потонувшую в необозримой дали.

— Нет не вивижу.

Капитан поморщился.

— А вот рядом с ним и лоцманский пост!

Трудно уразуметь сложный язык морской сигнализации. А что увидеть далекий маяк, нехватало моих глаз, вооруженных стеклами цейса. Однако только выбросили кусок белой тряпки с микроскопическим синим квадратиком, он был замечен тотчас же.

Капитан торжествующе посмотрел на флаг.

— Скоро лоцман прикатит и войдет в шхеры. Без знаний условий и местного плавания обязательно на банку [1] сядешь . . .

— Даль-то какая! Он лоцманского флага не увидит . . . — усомнился я.

Облокотившись о борт, посмотрел в море, тихое, плоское, как асфальт, и, не поворачивая головы, самоуверенно сказал:

— Прикатит! Если не увидит, так услышит.

— Смотрите!

На горизонте показалась точка, она быстро катилась и

[1] Мель.

росла, как снежный ком. Лоцманский моторный бот рвал морскую гладь, разбрасывая белые хлопья пены. Матросы сгрудились у борта и внимательно следили за маневрированием белой скорлупы.

Высокий лоцман, едва сдерживая равновесие, стоял заложивши руки в карман и попыхивал толстой сигарой. Бросили конец [1].

— Гуд дэй! — иностранец приветствовал наших моряков и уверенной походкой направился в штурманскую рубки [2].

Это был стройный норвежец с обветренным красным лицом, обильно усыпанным веснушками. Одет он был в синий, выутюженный костюм. Крепкую талию облегал короткий модный пиджак, из верхнего кармана которого выглядывала орхидея, вышитая на шелковом платке, аккуратно собранном в веер.

Первый свой визит «Красин» нанес норвежскому городу Бергену, куда зашел набрать уголь для дальнего пути.

Трудно хоть сколько-нибудь полно осветить тот исключительно горячий прием, который нам оказали норвежские пролетарии. Так называемой торжественной встречи с заранее заготовленными речами не было. «Красин» пришел к вечеру и скромно пришвартовался в угольной гавани. Случайно проходившие рабочие шапками приветствовали нас,— вот и все. Но зато впоследствии, буквально на каждом шагу и в течение всей нашей продолжительной стоянки в Бергене мы чувствовали горячую братскую любовь рабочих. Какие-то незнакомые люди в замусоленных пиджаках снимали, при встрече с нами шляпы и, весело улыбаясь, пожимали руки:

— Руслянд! «Красин»! . .

Один рабочий обратился ко мне с просьбой передать привет «Самолоновский»; с большим трудом мне удалось выяснить, что речь идет о проф. Самойловиче.

Стоило спросить первого встречного рабочего о местонахождении почтамта, магазина, как он, широко улыбаясь, говорил:

— Ага! . . Совет Руслянд . . . «Красин» . . .

И, рискуя опоздать на работу, он десятки кварталов отмеривал рядом с вами, боясь, что вы заблудитесь в дебрях незнакомого города. Никакие ваши доводы, что вы нуждаетесь лишь в указании дороги, для него бывали не убедительны, и всякая попытка пощадить его усталые ноги обре-

---

[1] Канат.

[2] Оперативное помещение, где находятся карты, вычисляется курс и пр.

чена на неудачу. Провожатые успокаивались, лишь когда открывалась дверь магазина, до которого они вас доводили.

Однажды пишущему эти строки нужно было достать бот, чтобы добраться до «Красина», уже оттянутого на рейд. Я обратился за помощью к большой группе рабочих, выходивших из дома. И все, скопом, пошли на розыски бота. Дорогой норвежцы усиленно интересовались, будем ли мы наряду с выполнением наших заданий разыскивать и Амундсена, в трагическую смерть которого тут долго не хотели верить.

Я говорю о явлениях массового порядка. Разумеется, уже по установившимся традициям совершалось паломничество на «Красин». Началось оно с легкой руки делегации заседавшего в Бергене съезда транспортных рабочих, очутившейся у нас на борту еще до того, как мы пришвартовались.

Берген — исключительно живописный городок, привлекающий внимание туристов всего мира, приходящих сюда на гигантских океанских пароходах. Норвежские же рабочие не склонны были посещать эти пароходы, несмотря на всю их внешнюю привлекательность и роскошь внутреннего убранства кают американских буржуа. В центре внимания был наш потрепанный в ледовых боях «Красин».

«Красин» остановился не в центральной гавани, а в рабочем предместьи Локовог. Это обстоятельство еще более обеспечивало наше общение с норвежскими пролетариями!

Но время шло, погрузка кончалась. Яркие, бодрящие бергенские дни уходили в прошлое... И вот уже ледокол «Красин», приветствуемый рабочими, покинул гостеприимный городок, взял курс на норд.

«Красин» разрезал воды фиордов. Исполинские скалы, увенчанные ослепительно белым пухом снега, громоздились в бесстрастном холодном величии. В ясный погожий день хорошо видны фиолетовый загар их нагих угловатых уступов и узоры убегающих в расщелины скал тропинок. Студеные ручьи разбрасывали по сторонам алмазы своих вод. Карнизы скалистых шхер собраны в морщины и будто хмурятся, недовольные нашим вторжением в их спящее царство бессмертной красоты. Лоцман точно прирос к мостику; молчал, вслушивался в таинственные саги, нашептываемые скалами шхер... И отрывисто командовал, ведя нас к гавани..

Хармстад — маленький рыбацкий городок, расположенный в одном из северных фиордов Норвегии. Приход «Красина» взбудоражил весь городок, перевернул вверх дном все

его мирное обывательское житие. Мэр города счел необходимым явиться к нам собственной персоной и засвидетельствовать свое почтение. Потом начал «свидетельствовать почтение» весь город, все слои населения от рабочих консервной фабрики до буржуа различных мастей. Гости добросовестно щупали стены, винты, гайки, испытывали крепость кресел в кают-компании, гладили белого медведя, убитого красинцами во время прошлогоднего рейса.

Коммунистическая организация в честь нас устроила в городе митинг. На центральной площади воздвигнули трибуну, которую задрапировали красными флагами. Около нее сгруппировались норвежские рабочие и мы. Несколько полицейских «следили за порядком». Здесь было только открытие митинга а продолжался он уже в рабочем клубе, который по случаю нашего прибытия выбросил красное знамя. Главный оратор охарактеризовал нас, как героев, и особо прочувственное слово посвятил ледоколу.

Но конечно, — не по официальным торжественным речам можно было судить об отношении к нам местных рабочих. Митинг лишь дополнял тот исключительно теплый прием, который нам оказали пролетарии Хармстада.

Так же, как и в Бергене, мы его ощущали на каждом шагу; те же бесконечные рукопожатия, речи, визиты и приветствия.

Случайность опять столкнула в этом заброшенном норвежском городке наш ледокол с пароходом «Монте-Сервантес». Старые знакомцы!

Капитан парохода, в свое время спасенного «Красиным», не замедлил явиться на ледокол и засвидетельствовать свое почтение нашему капитану т. Сорокину. Потом нахлынула с «Монте-Сервантеса» волна туристов, которая, казалось, захлестнет ледокол. Знающие иностранные языки обратились в каких-то заправских руководителей и падали с ног, объясняя, при каких обстоятельствах был убит белый медведь и приподнесен чернильный прибор. Около тысячи туристов перебывало на ледоколе! Едва ли на нем осталась хоть какая-нибудь судовая часть, которая не была бы сфотографирована ими.

«Монте-Сервантес» опять направлялся к Шпицбергену. Туристы узнали, что «Красин» идет в северный поход, и горячо желали ему доброго пути. На «Красине» шла погрузка угля. Угольная пыль слепила глаза. Прикосновение к чему-нибудь оставляло на костюмах черные пятна. Но туристы все приносили в жертву — свои котелки, смокинги, шелковые платья, тонкие чулки и лазили в самые уголки корабля.

Покидая Хармстад, «Монте-Сервантес» салютовал «Красину»... А вскоре и наш ледокол отчалил от последнего клочка гостеприимной норвежской земли...

— Хармстад!

Команда посылала родным последние вести о себе. Несмотря на поздний час нашего отбытия, когда учреждения города уже не работали, двери почтамта все же были для нас широко открыты.

— Ага!.. «Красин»... Совет Руслянд!..

Последняя наша база.

Отсюда «Красин» пошел на долгие месяцы на штурм льдов в Карское море. На последней базе мы взяли последние литры пресной воды, последние килограммы продовольствия, последние тонны угля.

Но вот уже мелькают последние очертания суши. Они угрюмы, холодны, суровы, покрыты редким мохом и внешне не привлекательны, но все же глаза с жадностью смотрят на них. Ведь долго нам не придется видеть сушу!

— Эхма! Зеленая шишка! — с какой-то любовью произносят матросы, глядя на берега.

Промелькнул маленький город Тромсё с огромным историческим прошлым. Отсюда Фритиоф Нансен на «Фраме» начинал когда-то свой бессмертный поход к полюсу. Отсюда отправился на самолете в свой последний героический путь в Арктику Амундсен.

«Красин» троекратным гудком приветствует город-форпост, с которого отважные норвежцы шли походом на ледяные пустыни. Это был единственный привет, посланный ледоколом. Обычно все проходившие мимо суда, от маленьких катеров до гигантских судов, самых различных национальностей кормовым флагом посылали ему салют.

Берега Норвегии исчезли медленно. Переспектива многочисленного плавания в открытом океане без всяких баз заставляла экономить каждую тонну угля, и поэтому мы шли черепашьим шагом, со скоростью восьми узлов [1]. Через последний норвежский фиорд Порсангер, обогнув Нордкин, «Красин» вошел в Баренцово море... Европа осталась позади нас. На наших глазах таяли ее последние контуры. Нордкин, ее конец, имел унылый вид. Хмурая скалистая игла воткнулась в море острием и застыла в своей мрачной неподвижности. Одинокая избушка стоит на ней, как неприкаянная. Вот все, что оставалось от Европы.

Прощай, Европа!

---

[1] Морских миль в час.

3. Разведка ледяных пустынь

Хармстад — наш последний оплот на европейском материке. Каковы дальнейшие перспективы?

Перед выходом в грозный Арктический океан я обратился с соответствующим вопросом к начальнику Карской экспедиции т. Евгенову. Оговорюсь, — беседовать с моряками трудно: все у них находится в сфере предположений, допущений и возможностей. Даже о самых кратчайших планах вы не вырвите утвердительного слова. Николай Иванович Евгенов — редкой вежливости человек и готов на всякое одолжение. Но попытайтесь в пути узнать у него о времени прихода ледокола в этот же самый Берген или задайте иной вопрос касательно ближайших перспектив плавания, — этот вежливый человек в лучшем случае повернется к вам спиной и сухо отрежет:

— На море нет ничего определенного!

«Надеюсь», «предполагаю», «возможно» — вот ответы, которые я получал от т. Евгенова.

— Мы надеемся, — говорил он, — после оставления Нордкина благополучно достигнуть проливов Новой Земли. По пути мы предполагаем с помощью радиостанций собрать материал о погоде и состоянии льдов; до прихода в Арктику из Гамбурга первой группы судов, участвующих в Карской экспедиции, повидимому, у нас будет достаточно времени для ледокольной разведки льдов, которая необходима даже при наличии воздушной разведки. Самолет т. Чухновского в состоянии выяснить размер площадей льдов и места их расположения, а «качество» их, интенсивность таяния, плотность и прочие гидрографические элементы могут быть определены лишь с корабля. На «Красине» разворачивается в широком масштабе научная лаборатория, которая будет составлять синоптические карты, вычислять влажность воздуха, направление и силу ветров, степень солености воды.

Воздушная разведка в свою очередь ценна тем, что, руководствуясь ею, можно иметь картину состояния льдов на больших расстояниях. Но зачастую она грешит оптимистическими красками. Сверху видимая летчиком тонкая полоса льда может оказаться совершенно непроходимой, ибо огромную ее толщину нельзя определить с птичьего полета. Кроме того самолет находится в большой зависимости от погоды, чем судно, а в тумане, заволакивающем льды, воздушная разведка совсем невозможна и нерациональна.

Все же велика роль самолета, который может сократить «Красину» излишние пути при разведках, уголь, средства. Разумеется, лучше за двести миль направить самолет, чем грузный ледокол для выяснения вопросов, связанных с проводом караванов судов. Словом, говоря точнее, самолет и ледокол друг друга дополняют, их совместное участие в нынешней грандиозной экспедиции обещает дать лучшие результаты. — Так объяснял мне т. Евгенов.

Моего собеседника вызвали на капитанский мостик.

Мы вошли в наши воды. Стрелку часов передвинули на час назад по ленинградскому времени. При входе «Красина» в советские воды «торжественную встречу» ему устроили два кита, которые в честь нас пустили свои гигантские фонтаны, не уступающие петергофским. Фонтаны были видны хорошо, хотя несколько миль отделяли нас от китов. Кавалькада дельфинов церемониальным эскортом сопровождала нас по морю Баренца. А сам «Красин», как древнеславянский витязь, был на распутьи.

— Куда итти?

В Карское море! — только через него может быть проложен краткий водный путь из Европы в Сибирь, — одна дорога шла к северу от нас через пролив Маточкина Шара, другая — на восток через Карские ворота и третья дорога уходила южнее к проливу Югорского Шара.

Но древнерусский витязь был все же в более выгодных условиях, когда выбирал один из трех путей. Ему не приходилось делать бухгалтерских вычислений, определяя рентабельность каждого пути в отдельности, он не имел ни малейшего представления о фрахте, в круг его обязанностей не входило знать о страховых премиях за каждое повреждение приводимого иностранного судна. Наконец ему и не нужно было проводить около трех десятков судов, а никакие его «лютые враги» и «соловьи-разбойники» не могут сравниться с ледяной стихией, караулившей современного витязя в свирепом Карском море.

— Куда итти?

«Красин» сделал ставку на два пути. По намеченной оперативной схеме ледокол «Красин» должен был пройти в Карское море через пролив Югорского Шара, взять курс вдоль малоисследованных западных берегов полуострова Ямала, добраться до острова Белый и, обследовав весь этот путь, снова круто повернуть рули на запад; затем пройти по второму пути уже к Карским воротам. Так можно было «прощупать» льды в поисках наиболее безопасного пути для каравана судов на огромнейшем участке Карского моря.

Итак, решено — пошли на Югорский Шар. В туманный день «Красин» очутился в Югорском проливе. Из-за окутавшего нас густого тумана мы не могли сразу войти в пролив и вынуждены были бросить якорь недалеко от него. Вскоре туман рассеялся, и мы увидели на горизонте громады грозных свинцовых туч.

Ледокол «Красин» скользнул в пролив Югорского Шара. На правом берегу у нас простиралась тонкая, угрюмая полоска материка Большеземельской тундры и хребта Пай-Хой. Это была наша, советская, земля и сгруппировавшаяся у борта команда пожирала ее глазами. С левого борта был виден вдали не менее угрюмый остров Вайгач. У самого берега подымалась ввысь мачта радиостанции. Протяжно и заунывно гудит сирена «Красина», посылающая салют труженикам радио. Радостные крики радистов заглушены расстоянием. Опять рвутся последние нити, связывающие нас с сушей. Перед нами вновь расстилается море, на сей раз Карское. «Красин» идет навстречу льдам...

98375

Карскому морю еще век назад академик Бэр дал прозвище: «Набитый льдом погреб».

Мы не успели пройти вдоль извилистых берегов пролива, как это название оправдалось. Плыла первая льдина. Она встретила нас шумом, напоминавшим отдаленный гул канонады, и скрылась под черной тушей ледокола. За ней спешила еще одна льдина, дальше, покачиваясь, как поплавок, шли другая, третья... «Красин» попал в мелкобитый плавучий лед, который под напором его форштевня и скул отплясовал какие-то дикие антраша, кувыркался, нырял, со стоном и свистом разбивался вдребезги. Вдруг показалась огромная торосистая льдина с рыжими краями и бурыми комьями грязи на хребте. Комья грязи явно свидетельствовали, что эта льдина берегового происхождения; зимовала она где-нибудь у Новой Земли; а сейчас после зимовки, снесенная ветрами и течениями, она шла прямо на нас с явным намерением дать ледоколу бой. Брошенный вызов «Красин» принял. Удар его носа пришелся по обрывистому краю льдины. В первое мгновение трудно было определить исход, он казался не на нашей стороне. Весь корпус ледокола качнулся, как земля во время землетрясения, и раздался такой оглушительный треск, что, казалось, треснули все шпангоуты[1]. Льдину начали бороздить трещины, лучами исходившие от места столкновения с форштевнем ледокола. Затем от нее отделился огромный «ломоть», который сел на

[1] Поперечные ребра судна.

ребро и, кувырнувшись, показал свою двухметровую толщь. С ледяного осколка сползали, как струйки крови, какие-то багровые сгустки, напоминавшие выпотрошенные внутренности. При детальном ознакомлении выяснилось, что льдина слизала свежий сурик с подводной части ледокола.

Капитан Сорокин эту блестящую победу над льдиной расценивал: «Легко отделалась!»

«Красин» в бою с льдиной еще не выступил во всеоружии, не развернул все свои качества самого сильного ледокола в мире. Перед длительным полярным рейсом, чреватым всякими неожиданностями, он экономил каждую тонну бергенского угля и потому шел на льдину своим обычным «скупым» ходом в семь узлов в час. Где-то в глубине под водой скрывался срезанный угол форштевня, который и позволяет обычно «Красину», как моржу, вскарабкаться на льдины и эффектно сокрушать их своей тяжестью. Нелишне заметить тут, что «Красин» не имеет особых приспособлений для ломки льда, кроме своего веса. Во время нашей стоянки в Хармстаде туристы с «Монте-Сервантеса», вступая на борт, задавали один и тот же стереотипный вопрос:

— Где машины?

— Машины? Пожалуйста . . .

Им очень любезно показывали дорогу в неизмеримые глубины ледокола, где обретаются гигантские котлы и десятитысячесильная машина. По выходе оттуда злополучные туристы имели жалкий вид: мягкие панамы от необычайной жары торчали на голове, как мочало; котелки — помяты; накрахмаленные воротнички какой-то нелепой тряпкой выглядывали из воротов. Наши кочегары оставляли мрачный след своей пятерни на тонких и душистых дамских перчатках; шелковые платья покрывались порою следами машинного масла.

— Но ведь это обыкновенные машины! — негодовали туристы.

— Обнокнавенные, — вмешался кочегар. — Так вот пущай ваш «Монте-Сервантес» налетает, как наш «Красин» на набережную в Ленинградском порту, да-с! Впрочем эти обнокнавенные машины вас уже спасали. — И он рассказывал историю, как «Красин» еще в Ленинграде при неудачном повороте со всей силой врезался своей кормой (нос у него во сто крат крепче!) в гранитную набережную, скованную железом. На корме только лишь поцарапана была краска. А на набережной железо и гранит были выворочены и раздроблены.

Все же туристы разочарованно разводили руками, когда

им объясняли, что у нас нет особых машин по крошению льда и что «Красин» благополучно обходится без них. Вполне достаточно его сокрушительного стального ледового пояса, которым он рассекает льдины, и вполне пригож его срезанный у основания нос, с помощью которого он взбирается на льдину и своей тяжестью обращает ее в лепешку. Проглоченный им в Бергене запас угля загрузил его настолько, что издали казалось, что ледокол затоплен и на поверхности воды торчали лишь две трубы.

Встреченная льдина, по словам капитана, «легко отделалась», ибо «Красин» от груза отяжелел и не мог взобраться на нее, чтоб перебить ей хребет. Он просто ее срезал форштевнем [1], а не раздавил тяжестью.

Температура воздуха как-то внезапно упала на 3°.

С норда и норд-оста показалась молочного цвета полоса. Морские пейсы [2] тревожно воткнулись в нее. Как по красному зареву на небосклоне узнают пожары, так и в Полярном море по белесоватым отблескам определяют льды. «Красин» из пролива Югорского Шара гордо шагнул в Арктику. Ее дыхание, холодное, тихое, мертвое, вы ощущаете, глядя на величественную картину необозримого пространства битого льда.

Уныло и грустно Карское море. Испытываешь трепет не от мелких льдышек, которые сейчас ударяются о борта и разбрасываются по сторонам, как пушинки. Угнетающе действует сознание своего беспредельного одиночества. Будь сейчас вместо полярной белой ночи кромешный мрак, можно было бы итти без зажженных фонарей, не боясь столкновения с одним пароходом. Наши сирены не завывают, хотя навис густой, удушающий туман, отдающий сыростью водосточных труб. Белым непроницаемым саваном он окутывает нас, как мертвецов, и прячет в своей бахроме все части ледокола.

Задыхаясь в его хлопьях, мы почувствовали закономерную взаимосвязь между отдельными частями вселенной. Последние метеорологические радиосводки сообщали, что в 10 тысячах километров от нас стоит необычайная жара. Жара на материке повлияла и на эти берега здесь образовался плотный туман. Удручающее одиночество особенно остро ощущается в этой полярной пустыне теперь в на-

---

[1] Наружная носовая часть судна. У «Красина» форштевень покрыт стальной чешуей.

[2] «Цейс» — немецкая фирма, изготовляющая точные оптические приборы; здесь имеется в виду бинокль.

2*

чале экспедиции. Ведь на бортах «Красина» еще не обсохли капли тех шумных вод, которые мы прошли. Не улетучились еще из памяти Каттегат и Скагеррак, Большой и Малый Бельты, Немецкое и Норвежское моря, по которым сновали взад и вперед мелкие рыбацкие шхуны и океанские пассажирские пароходы «Кап-Полония», «Монте-Сервантес», «Стелла Полярис»... Куда девалась встреченная нами красавица бригантина, которая распустила, как павлиний хвост, свои прямые паруса на фок-мачте и косые на грот-мачте. Не видно ничего и никого в этой необозримой туманной пустыне.

«Красин» неуклонно держал курс к Ямалу, разрыхляя льды, шел скорбным путем трагической «Св. Анны», которая около унылых берегов этого же Ямала попала в великий дрейф льдов, круживший ее по Карскому морю до тех пор, пока не выбросило за 83° 18′ северной широты. Судьба ее неизвестна и по сегодняшний день. От экспедиции отделился штурман Альбанов с кучкой храбрецов, решивших пробираться по льдам. Спутники его, как известно, погибли, и остались в живых лишь сам Альбанов и рулевой Кондрат, пытавшийся между прочим и ныне пойти с нами в полярный поход. Но трагическое прошлое Арктики должно уйти в тень истории, «Красин» — это победоносное будущее...

Итак, мы направляемся в южную часть Карского моря, к Байдарацкой губе. Затем вдоль западного побережья полуострова Ямал думаем добраться до мыса Хоросовай, а может быть, и севернее его. Идем пока исторической тропой Фритиофа Нансена, совершившего свой бессмертный рейс на «Фраме». Мелькнула перед нами Мара-Сале — «столица» полуострова Ямала, имеющая радиостанцию. «Красин» лег на норд, желая «прощупать» Карское море вдоль западного побережья полуострова. Нас нисколько не утешал встреченный нами разряженный редкий лед, проходимый простыми судами. Мара-Сале — это лишь маленькая промежуточная станция на пути из Европы в Сибирь. Кто знает, что нам готовит на севере от нее Карское море! За обманчивой синевой чистой воды, в которой купает, о которую моет сейчас свои борты ледокол, и за игрушечными льдинками, лопающимися, как мыльные пузыри, от одного прикосновения к ним, могут залегать огромной мощности льды, непроходимые ледяные барьеры, необозримые ледяные поля. Не будет дивом, если через несколько миль «Красин» упрется своим стальным лбом в гигантскую ледяную стену, неумолимо скрывающую сибирский лес и пушнину от каравана иностранных судов.

— Не дам, и баста!

Ледяной сфинкс может быть разгадан лишь разведкой... Ее нужно производить срочно, в спешном порядке, ибо, когда первый караван будет на меридиане Нордкина или, в крайнем случае, на меридиане Мурманска, уже должны быть брошены с мачт «Красина» первые радиоволны, сообщающие ему курс следования и раскрывающие карту расположения льдов.

А караваны морских судов следуют по определенным календарным планам. Эти же календарные планы даны и речным флотилиям в Сибири, которые должны одолеть тысячи километров Оби и Енисея.

Календарные планы предусматривают чуть ли не минуты выхода морских судов из европейских портов и речных лихтеров из сибирских пристаней, часы их прохода через ледяные глыбы Карского моря и острые утесы Осиновских порогов Енисея, а затем точные дни встречи их в устья рек.

Организационная схема и Арктика!

Календарный план и ледяные чудовища Карского моря!

Планирование и льды! — вот настоящий «Арктический» госплан!

Спросите лучших мировых знатоков полярных стран и они назовут «календарный» план штурма льдов Карского моря «сумасшедшим бредом большевизма».

Поговорите с капитаном шхуны «Житков» т. Пышновым, которого после катастрофы подобрал один из пароходов Карской экспедиции. Ведь от холодного пота рубашка прилипает к телу, когда слушаешь его спокойный рассказ о том, как произошла катастрофа с его судном, как спущенный якорь, вытравленный полностью канат, работа двих машин не могла устоять против мертвых объятий дрейфа, неумолимо тащившего шхуну на скалы. Не угодно ли заинтересоваться мнением т. Пышнова о «календарных планах»! Я могу сослаться также на авторитетное мнение капитана Рекстина, с которым позже судьба меня столкнула на английском пароходе «Ните Абби» в устье Енисея. Ведь это гладкое сейчас, едва дышащее мелкой рябью Карское море в 1920 году в сумасшедшем дрейфе льдов кружило капитана Рекстина на ледоколе «Соловей Будимирович» (ныне «Малыгин») в течение шести месяцев! Неизвестно, чем кончился бы этот танец смерти, если бы не пришла помощь извне. Не менее других усомнится в благополучном состоянии рассудка авторов календарного расписания движения пароходов по Карскому морю и т. Кондрат, один из двух

уцелевших участников похода «Св. Анны», которую, как перышко, великий дрейф льдов унес от берегов Ямала в неведомую ледяную могилу, уготованную где-то за 83° северной широты. Соберите все эти мнения, и перед вами предстанет убийственный итог:

— Точный план и льды Карского моря несовместимы!

Тем не менее точное расписание разработано для ледокола с тяжелым хвостом каравана из тридцати судов.

В этом году большевизм вписал новые неувядаемые страницы в историю завоевания Арктики; ледяная коса Карского моря, долго косившая столь обильную жатву, натолкнулась на чудовищный большевистский камень.

По расписанию «Красин» неуклонно продвигался вдоль западных берегов полуострова Ямала. До 71° норда мы благополучно шли реденькой кашицей мелко битого льда. Изредка попадались нам льды покрупнее и даже обломки ледяных полей, оторванные от залегающих где-то обширных ледяных пластов. Невольно всматриваешься в них в надежде встретить царя ледяной пустыни — белого медведя, который предпочитает в поисках добычи обходить свои владения вдоль кромки ледяных полей. Тюлени то и дело высовывали из воды свои симпатичные круглые морды, водили по сторонам кошачьими усиками и поспешно скрывались, оставляя на поверхности моря лишь концентрические круги. Один тюлень, отдыхавший на льдине, настолько был озадачен проходившим совсем близко от него нашим двухтурбным чудовищем, что даже забыл, спасая свою шкуру, нырнуть в море. Он смотрел на нас рыжими глазами и, вероятно от изумленя, бил хвостом по льдине.

Мы имели еще возможность любоваться солнцем...

— День на славу! А солнце-то как разыгралось! — радостно говорил электрик Леман, все свободное время проводивший на юте, очевидно опасаясь пропустить малейшее изменение в природе.

Мы принесли в Арктику привычку по солнцу определять время Сейчас ведь глубокая ночь, стрелка часов переходила двенадцать, хотя и солнце действительно «разыгралось». Прекрасное полярное солнце, на которое вы можете, не моргнув глазом, смотреть в упор, глубокой ночью кажется зажженным факелем. Оно совсем низко спустилось, — еще несколько минут — и вы уверены, что оно скроется за окружностью горизонта, погрузиться в море и все погрузит во мрак. Но проходит несколько минут, и солнце, не дой-

дя до горизонта, торжествующе поднимается ввысь и еще более ярким и холодным светом озарить Арктику.

«Красин» неустанно продвигался вперед, и каждая пройденная миля вселяла в нас надежды на радужные перспективы. Ледяные покровы начали настолько энергично испаряться, что уже в районе мыса Харасовай нужен был микроскоп, чтобы их разглядеть. А еще севернее даже и самые тончайшие приборы не смогли бы обнаружить льдов. Даже на параллели острова Белого мы их не обнаружили.

Больше того, они отсутствовали и далее, еще севернее. Мы в этом убедились, так как мощным течением, идущим из Обской губы, нас отнесло на десять миль к норду от острова Белого, почти до 74° северной широты. Льды куда-то ушли. Дальнейшее продвижение наше на восток, куда должны были следовать караваны судов, было совершенно излишне, ибо там прогонят льды огромные потоки теплых вод, которые за тысячи миль, из самых глубин Сибири, несут с собой Обь и Енисей.

Радостно гудите, пароходы! Шуми, сибирский лес!.. Путь найден! И его сегодня нашел наш корабль. Путь этот проходит через Югорский Шар, простирается на восток через редкую, легко проходимую, ледяную кашицу и поднимается к норду вдоль западного побережья Ямала по огромным пространствам чистой воды.

Начальник экспедиции улыбался, — путь найден и, главное, в календарный срок!

Указанный «Красиным» путь открывал перспективы мирового значения. Соединяя Европу с Сибирью шнуром чистой воды, протянутым через Арктику, прокладывая водную магистраль для прохода огромнейшего каравана судов, используя для экономических целей страну вечного льда и мрака, — он претворял в жизнь и облекал в реальные формы идеи, за осуществление которых гибли целые поколения лучших людей. Дни открытия этого пути, августовские дни, как покажет дальнейший ход событий, сыграли выдающуюся роль.

Здесь, под 74° северной широты, значение нашего похода как-то недостаточно осознаешь, — открыли путь и ладно! И жизнь на корабле протекает в своих обычных рамках.

В красном уголке на обычный лад бренчит струнный оркестр, к которому примешались и другие «инструменты», например банка из-под бергенских рыбных консервов, и беззубые гребешки, и прочие предметы, до швабры включительно издававшая какое то дикое мычание, когда ее руко-

яткой в «такт» скребли пол. Старший электрик и заведующий голубятней т. Леман попрежнему стояли на юте и подсчитывали ежедневную убыль почтовых голубей. В небе парили жалкие остатки обитателей голубятни, взятых нами на всякий случай. Много голубей погибло, исчезнув во время прогулок по полярным небесам.

Если кто-нибудь на земном шаре нашел в живых либо мертвыми наших почтовых голубей, сереньких и коричневых, с розовыми лапками, — пусть сообщит о них заботливому хозяину.

Открытие морского пути, соединяющего Сибирь с Европой, не нарушило обычного статута жизни ледокола. По-обычному мыли палубу, и кишка глубоко вздыхала своей резиновой грудью, то расширяясь, то сжимаясь от напора воды, и голуби исчезали в обычном порядке.

Пройденный нами путь, несмотря на отсутствие льда, имел один недостаток, — он был очень длинен. Протянутый по южной и восточной частям Карского моря он описывал благодаря этому своеобразную дугу вроде лука. Но в луке имеется еще тетива, прямая, короткая линия. Нельзя ли было по этой прямой пустить стрелу каравана.

И вот в штурвальной рубке начертили на карте такую прямую, соединяющую остров Белый, вернее точку нашего местоположения, находившуюся несколько севернее его, с Маточкиным Шаром, проливом более северным и, следовательно, более близким к нам, чем пролив Югорского Шара.

По этой прямой «Красин» пошел на запад, возвращаясь обратно к Новой Земле. Море было спокойно и неподвижно, в своем спокойствии оно восхитительно. Стоявший в штурманской рубке третий помощник капитана т. Койвунен многозначительно тянул пальцем на карту:

— Видали, как на Карском море стряпают курс?

— Нет.

— Да вот, с помощью карандаша и линейки... Черти прямые в любом направлении и режь по ним море, не опасаясь даже своей чудовищной тридцатифутовой осадки. По Финскому или по Балту поплавали бы так! Тут мель, там подводные камни, тут обходи, там попросту убегай, если ко дну не хочешь итти. Нет! Ежели разобраться, ничего нет приятнее плавания по Карскому морю, благодать! Моряку нужна глубина, а тут сколько хочешь.

Моряк неожиданно задумался:

— Море Карское прекрасно... Да вот льды портят его, как оспа красивое лицо.

Тишь. Гладь. Штиль, полярный, особенный, усыпляющий. Но это было затишье перед бурей. Штиль под 74° северной широты, отсутствие всяких намеков на присутствие льдов...

Подозрительно! Знатоки полярного плавания в таких случаях отнюдь не склонны благодушествовать. Штиль они рассматривают, как печальный признак близости льдов, которые давят своей громадой на море, лишая его возможности «разгуляться», превращая его в тихое озеро с ледяными берегами. Правда, штиль мог быть и не вызван людьми, а просто вытекать из общего спокойного состояния погоды. Готовый к любым испытаниям «Красин» пошел на поиски еще более краткого пути из Сибири в Европу. Тем временем льды решили перестроить свои ряды, сплотиться и дать нам генеральное сражение. Они нас явно заманивали в глубь Карского моря в поисках широкого поля сражения и устроили нам ловушку под 73°56′ северной широты и 68°45′ восточной долготы.

Сначала «Красин» встретил мелкие «дозоры» ледяной армии, которые без особого труда дробил на мелкие осколки. Это были жалкие куски ледяных полей, рыхлые, тонкие, талые. В полыньях плескалась вода о льды, несколько нарушая могильную тишину Арктики. Если и встречались льды покрупнее, то они были в достаточной мере изрыты промоинами, значительно уменьшавшими их сопротивляемость и боеспособность.

Но за этой мелкой сошкой скрывались главные силы неприятеля в таком объеме, что суждено было сбыться самым худшим предположениям.

Это был максимум — 10 баллов!

По всему горизонту распласталися необозримые поля сплоченного льда. Если кое-где и встречалась между льдами струя чистой воды, то на ней можно было заметить пленку новообразовавшегося, «свежеиспеченного» льда. «Сало» — так зовут этот молодой лед, действительно издали имеющий вид жировых пятен.

«Красин» решил атаковать льды, ибо даже необозримое поле бывает подчас обманчивым. Радиус человеческого зрения невелик; и за обманчивой пеленой ледяной пустыни, в нескольких милях, может плескаться чистое море, окторого так ждет караван...

Увы! — этого чистого моря мы не нашли, несмотря на то, что продвинулись вперед на тридцать миль.

Это была отчаянная схватка за каждый дюйм! С шумом, свистом и треском крошились льдины, показывая свою мно-

гометровую толщь. От каждого столкновения с льдиной весь корпус ледокола содрогался, и раздавался такой грохот, точно он не крошил их своей тяжестью, а открывал по ним огонь из десятка шестидюймовых орудий. Но иногда эти «выстрелы» давались вхолостую... Хотя «Красин» со своей десятитысячесильной машиной развивал предельную скорость, до 15 узлов, все же подчас он останавливался, подкошенный каким-нибудь ледяным циклопом. Однажды, не имея возможности сломить упорство огромной, рыжей торосистой льдины, он ее просто понес на своем стальном форштевне и путешествовал с нею до ближайшей встречи с таким же чудовищем. От столкновения засверкали лишь ледяные брызги. Освободившись от этой «нагрузки», «Красин» продолжал отчаянный бой за овладение самой кратчайшей дорогой из Европы в Сибирь.

— Кроме «Красина» с такими льдинами уж не справился бы ни один ледокол в мире, — сказал начальник экспедиции, мрачно поглядывая на растянутое полотно льда.

Но ледяные поля, отстаивавшие каждую пядь свою от сокрушительных ударов «Красина», и не думали сдаваться. Они явно заманивали нас в глубь своих пустынь и чем дальше, тем больше нагромождали массы жутких, огромных торосистых льдов. Дальнейшее продвижение вперед теряло смысл, ибо не было видно на горизонте чистой воды, а оставшийся позади тридцатимильный отрезок достаточно красноречиво говорил о том, что он не проходим караванами простых судов. «Красин отступил. Это было отступление победителя. В резерве — открытый им свободный путь из Европы в Сибирь, который, правда, несколько длинен, но ничего не поделаешь... Ведь нельзя упускать из вида, что у «Красина» громоздкий хвост из трех десятков пароходов.

Отступление на заранее подготовленные позиции протекало в полном порядке. «Красин» даже не отказал себе в роскоши разведать и другой участок ледяного поля, где встретил еще более тяжелые льды. Выйдя из ледяного поля на чистую воду, «Красин» шел вдоль кромки льдов в Югорский Шар навстречу караванам.

4. Сигнал бедствия

По радио «Красин» слышит:

— Спасите! Цынга... Радист... Мара-Сале...

Из этих обрывков слов слагается целая эпопея суровой борьбы человека за взнуздание непокорной ледяной стихии.

«Мара-Сале» на языке самоедов означает «Мутный мыс». На песчаной и глинистой заболоченной тундре полуострова Ямала, покатом с юга на север, на его западной береговой извилине, где расположен Мутный мыс, подымается ввысь металлическое кружево мачты радиостанции. Не знаю, существуют ли еще категории труда, которые хоть сколько-нибудь могли походить на труд радистов, затерянных во льдах и мраке полярной ночи.

Мрачны жизнь и быт тружеников связи, рассеянных по берегу и на островах Полярного моря, замуравленных в ледяные камеры. Льды. Бураны. Цынга. Морозы. Зимняя полярная ночь, жуткая, бессменная. Нависает она каким-то черным балахоном, прорезываемым лишь электрическими молниями северного сияния.

— Отсутствие солнца тяготит, угнетает, притупляет всякий вкус к жизни. Нет аппетита. Хочется зарыться в подушку. Спать, спать, спать, — рассказывает т. Юдихин — радист «Красина», проведший на острове Диксон три зимовки.

Не только зимняя продолжительная полярная ночь навевает сон. Эту ненасытную жажду сна ощущаешь даже теперь, в самый бурный разгар (!) лета, в бесконечно тягучие, не прекращающиеся дни. Навевает его какая-то особенная, присущая одной Арктике, торжественная тишина. А за Полярным кругом сон смерти подобен. Злоупотребляющего сном ожидает жестокая мучительная смерть от цынги. Трудно сказать, что больше способствует развитию цынги — сон не в меру или отсутствие зелени и свежих овощей. Самоеды спасаются от цынги (впервые ее совершенно не знают) не только тем, что едят сырое мясо, являющееся хорошим противоцынготным средством, они прекрасные ходоки. Суровая природа отгоняет от них сон и заставляет находиться в беспрерывном движении и передвигаться со всем скарбом с места на место.

Нужно обладать большим упорством, огромной силой воли, чтобы вести, хотя бы путем моционов, борьбу со сном. На радиостанции в Югорском Шаре, мимо которой мы недавно прошли, у лекарского помощника нехватило достаточных сил, чтобы побороть сонную эпидемию, и недавно цынга пожрала его, сонного, зарывшегося в подушку. Труженики полярных радиостанций, наделенные незаурядной крепкой волей, в поисках спасения от этого домоклова меча, не всегда способны совершать прогулки. С наступлением полярных ночей бесчинствуют пурга, жестокие штормы, ураганы. Сила их настолько велика, что на радиостанции

острова Диксон зимовщики вынуждены были соединить тросом жилое помещение со служебным, расположенные друг от друга на близком расстоянии. И то, даже крепко держась за трос, пробивая шаг за шагом стену снежного вихря, передвигаться можно было лишь бочком. Метеоролог радиостанции в Мара-Сале в один из штормовых дней вышел из помещения, чтобы сделать наблюдения. Обратно он не вернулся. Судьба его неизвестна. Был слышен лишь заглушенный выстрел, повидимому, данный им в знак бедствия. И такие штормы, продолжающиеся неделю, другую сряду, прерываются не надолго для того, чтобы с еще большей силой налететь с другого края горизонта. Они захлопывают двери жилища зимовщиков, как крышку гроба. Вместо моционов — тесная клеть, удушающая тоска, безнадежное тяготение к сну, цынга, смерть... По этим грозным ступеням полярной лестницы идет завоевание Севера. Карское море охватывается все большим и большим кольцом радиостанций, без которых немыслимо на его ледяных барьерах пробить дверь из Сибири в Европу. По этим же грозным ступеням, пытаясь задержаться на них от стремительного падения, карабкаются никому неведомые, скромные труженики связи. Они все точно изваяны из одной льдины, на них всех лежит печать скромности и полнейшей неосознанности своего героизма.

Таков ужасающий быт зимовщиков Арктики. Голос, который раздался из Мара-Сале, заставил «Красина» насторожиться:

— Окажите помощь!

Так заканчивалась радиограмма начальника службы связи в Архангельске, сообщившего, что радист заболел цынгой. Радиостанция на Мара-Сале пользуется дурной славой у радистов.

Командование «Красина» решило непосредственно связаться с Мара-Сале. С Мутного мыса послышался голос, который людям, не искушенным жизнью во льдах и полярных пустынях, показался бы смешным и диким:

— Помогите капустой! Овощами! Зеленью!..

Вопль о зелени, раздавшийся с Мутного мыса, заставил нас чутко прислушаться. «Красин» пошел к Мара-Сале оказать помощь и произвести разведку льдов в самой южной части Карского моря в поисках чистой воды для каравана судов. Так несколько удлинялся путь из Европы в Сибирь, но в условиях Арктики длинный путь бывает короче короткого, если он не проложен через ледяные глыбы. К тому же южная часть Карского моря менее всего иссле-

дована, так как, не желая удлинять пути, ее всегда как-то оставляли в стороне, забывая, что она может таить в себе огромные навигационные возможности. И так радиостанция на Мара-Сале была нам по пути.

Задолго до нашего прихода на Мара-Сале приводился в боевую готовность моторный бот, так как «Красин» из-за своей глубокой осадки не мог близко подойти к берегу и должен был бросить якорь в 3—4 милях от береговой станции. Рукой подать, а тут, казалось, снаряжалась длительная экспедиция. Погружены были карты, компас, запасные весла, бочки с пресной водой, тросы, топоры, ломы, вытряхивались из сундуков теплая одежда, сапоги... Разве только полярные спальные мешки, необходимые во время зимовки во льдах, остались позабытыми. Положили капусты, овощей, сгущенного молока, сыра, лекарств и прочих разнообразнейших ассортиментов, антицынготных средств, рекомендованных судовым врачом. Течения, штормы, туманы, льды, то внезапно исчезающие, то появляющиеся, точно по мановению волшебного жезла могут разрушить ведь, как карточный домик, всякие расчеты. С Карским морем шутки плохи!

Льды у берегов Ямала были проходимы и не представляли собой большой угрозы. Потерпев жестокое поражение от «Красина», они начали отступать, заметно редеть, мельчать. По мере продвижения на зюйд льды становились все более и более разряженными, и мы уже начинали попадать в большие разводья, пока, наконец, не вступили в чистое море, где плавали отдельные льдины. Мы шли необозримой, удручающей пустыней, где все затеряно. Отчетливо слышен шум машины и лязг опускающейся якорной цепи. На тусклой, действительно «мутной» полоске земли маячило микроскопическое кружево радиостанции. Не пытайтесь у капитана Сорокина узнать, как в необъятной бездне, именуемой Карским морем, нашел он эту букашку. Он на совершенно непонятном для вас языке прочтет лекцию о непонятных для вас науках, как: навигация, лоция, мореходная астрономия, девиация, океанография. Капитан будет доказывать, что с помощью этих наук можно легко найти любой пункт, если он нанесен на карту.

— Впрочем, — закончит он свою беседу, — труднее всего найти время для сна. Это — самая сложная из всех наук мореплавания. Хороший капитан должен уметь выкраивать его из двадцати четырех часов суток...

Мореплавание — не только сложная наука, но и огромное искусство. Иначе, чем объяснить, что «Красин» благо-

получно достиг и бросил якорь у Мара-Сале, Мутного мыса, откуда раздался голос цынготного радиста?

Радиостанция в Мара-Сале расположена на заболоченной тундре полуострова Ямала в овраге между двух бугров, предохраняющих ее от полярных штормовых ветров. Ветры тут охлаждаются морозами, доходящими до 50 градусов.

— Сколько не отапливай, — жалуются обитатели станции, — а утром проснешься в температурке ниже нуля этак градуса на три, четыре. Да и с топливом не совсем складно обстоит дело. Судно, доставившее нас в эту дыру, близко не могло подойти к берегу, хотя он высится на 15 метров над уровнем моря. Мелко. Судно пошло в обход, в устье протекающей здесь глубокой речушки и на расстоянии километра от нашего жилья сбросило уголь и дрова. Волоки их такую даль, когда ветер так и свищет, штормовой, морозистый. К октябрю снег запрячет уже все тропы...

Кто эти обитатели Мутного мыса и пустынного Ямала? Радист, метеоролог и сторож составляют все население гигантского полуострова. Оно несколько уменьшилось после того, как шхуна сняла фельдшера, у которого начали слепнуть глаза из-за сахарной белизны снега и льдин. Радист имел плохой вид. Опытным движением наш судовой врач Чечулин выслушал больного и обнажил его десна.

— Цынга! Болезнь сердца, печени...

Но радист, казалось, не слушал доктора и уставился своими разгоряченными, жадными глазами на диковинные продукты — апельсины, лимоны, чеснок, лук, отруби, сгущенное молоко, клюкву, свеклу, которые матросы приносили с бота.

— У вас разрыхлены десны, кровотечение, — говорил врач точно в пространство, — вам спешно нужно смотать удочки и больше в Арктику ни ногой. Понимаете? Цынга принадлежит к числу тех болезней, с которыми медицина рекомендует не шутить...

Цынга — это бич Арктики, ужасный, потрясающий, но диагноз врача цынготный больной встретил вяло и равнодушно, как будто ему сообщили, что он схватил насморк. По радио больной уже связался с каким-то врачом, был в достаточной мере посвящен во все детали своей болезни и его интересовал иной вопрос:

— Как долго я могу здесь пробыть?

— Максимум месяц. Иначе...

Судовой врач указал на выгруженные с «Красина» овощи и зелень, спасающие цынготного больного от неминуемой смерти, и многозначительно добавил:

— Ешьте этого вдоволь, если пояс помешает, расстегните . . .

Обстоятельства складывались самым благоприятным образом. Более месяца радисту не придется пребывать в этом удручающем месте, так как срок зимовки на исходе, и в течение ближайших недель его подберет гидрографическое судно «Пахтусов», обходящее полярные радиостанции для того, чтобы провести смену радистам.

— Сейчас покинуть станцию я не могу. Работы завал. Подожду смены . . .

— На Франце-Иосифе радиостанцию поставили? — заинтересовался он.

— Да.

— Жаль, не попал я туда . . .

Это произнес человек, который провел в полярной пустыне пять зимовок! Да, с такими людьми власть советов взнуздает Арктику!

Прощай Мутный мыс и его диковинные обитатели . . .

4. Рейс караванов во льдах

Опять льды! Они всюду накладывают свою мертвящую печать. Ведь несколько дней назад разведка льдов Карского моря дала радужные перспективы. Пролив Югорского Шара был почти чист от льдов, и вдоль полуострова Ямала простиралась узкая лента моря, освобожденная от льдов, открывавшая «дверь» из Европы в Сибирь. Вернулись с доспехами побед и обнаружили, что Югорский Шар забаррикадирован льдами мощностью в 8 баллов [1]. Уже восьмой день дуют свирепые ветры. Радиостанция, расположенная в проливе Маточкина Шара, шлет нам тревожную телеграмму:

— Пролив забит льдами . . . Максимум — 10 баллов . . .

В этом убийственном соревновании пролив — Карские ворота — недалеко позади — 9 баллов.

По каким-то неведомым причинам из этих трех проливов один всегда бывает свободным от льдов. Арктика милостиво из года в год оставляла человечеству открытым Югорский Шар, если она закрывала на ледяные засовы Маточкин Шар и Карские ворота, либо Маточкин Шар, если ей заблагорассудится закрыть Югорский Шар и Карские ворота.

---

[1] Для определения площади залегания льдов применяется десятибальная система; при 10 баллах нет разводьев и поверхность моря покрыта сплошными льдами.

Этим-то объясняется, что академик Бэр, считавший Карское море непроходимым и называвший его «погребом, набитым льдом», имел очень малое количество сторонников. Норденшёльд, Фритйоф Нансен и прочие столпы Арктики предсказывали блестящую будущность Северному морскому пути. Но на сей раз Карское море изменило своим многовековым таинственным законам.

— Неслыханно трудный год. Закрыты все проливы, — говорит начальник экспедиции, сумрачно поглядывая на ледяную чешую Югорского Шара. — Обыкновенным судам, лишенным ледяного пояса и с хрупкими чугунными винтами, тут не пройти...

А «обыкновенные суда», то есть первый караван, состоящий из пяти иностранных пароходов, миновал уже остров Матвеева и приближался к Югорскому Шару. Час-от-часу не легче. По мере продвижения по проливу мы обнаружили, что даже бухта Варнака плотно забита льдами. В самые худшие годы, когда Югорский Шар покрыт льдами, эта бухта, благодаря особым природным условиям, остается свободной. Наступил критический момент. Караван катастрофически приближался к Югорскому Шару и был уже в нескольких узлах от западного входа от него.

— Куда его упрятать от льдов?

Пришлось воскресить в памяти позабытую Лямчину губу, расположенную в западной части острова Вайгача, выходящей в свободное от льдов Баренцово море. Вход в нее чрезвычайно опасен из-за щедро разбросанных камней. Перед нами вопрос стал ребром.

— Бухта Варнака или Лямчина губа? Льды или камни?

Избраны были камни. Караван благополучно вошел в Лямчину губу и остановился.

На «Красине» — необычайное оживление. У бортов столпились свободные от вахты моряки. В красном уголке смолк «джаз-банд», и музыканты высыпали на дек.

Все взоры устремились в черную змейку, изгибавшуюся на горизонте.

— Караван!

Незабываемое зрелище! Стройной колонной он шел на нас, к западному входу в пролив, у которого кончается кромка льдов. В стране вечного льда, почти под 70° северной широты, по соседству с белыми медведями, моржами, тюленями — коммерческие суда.

— Один, два, три, четыре, пять зажженных огней!

«Красин» отдал якорь в ожидании «эскадры». Караван уже настолько приблизился, что с помощью цейса легко

можно было прочесть название его головного судна — «Сингльтон Абби». С головного судна раздались два протяжных гудка, обозначавших на выразительном языке морской сигнализации: «остановитесь!» Пароходы застопорили машины, а «Сингльтон Абби», послав салют нам, отделился от каравана и пошел в обход.

— Опытные капитаны. Правильно пристают с другого борта, иначе течением бы их отнесло, — разбирают «по косточкам» сгруппировавшиеся на капитанском мостике красинцы.

Перед полярным рейсом в Сибирь.

Встреча «Красина» (справа) с головным пароходом каравана «Сингльтон абби» в проливе Югорский Шар.

Все караваны возглавляли наши советские капитаны.

В походной каюте капитана «Красина» заседал «полярный совет», состоящий из всех советских капитанов каравана, обсуждавший положение. Как быть — форсировать тяжелые льды Югорского Шара или ждать перемены? Ни одной изобретательной голове не придут на ум вопросы, изощреннее тех, которые каждый раз ставила перед нами Арктика. В прошлый раз она предложила нам разрешить

головоломную дилемму: льды или камни. Ныне она выступает со свитком не менее трудных задач. Пока речь идет о тех же льдах, споткнувшись о которые неприспособленные пароходы легко могут получить пробоины и пойти ко дну. Выжидать. Создавать простои, дикие, нелепые, бессмысленные... Это — когда пары разведены, пароходы, груженые металлом, бумагой и прочими импортными товарами, готовы в любую минуту поднять якори и шумным караваном двинуться в Сибирь за нашим лесом.

Законы Арктики суровы. Итти в лобовую атаку на них нельзя. Тут возможны лишь маневры, обходные марши... Это единственное противоядие против всех козней Арктики.

И т. Евгенов предпочитает лобовой атаке обходный маневр...

— Терпение! Нужно ждать перемены обстановки, перемены ветров. Упорные норды и норд-осты, дувшие беспрерывно в течение одиннадцати суток, сменятся на ветры других направлений... По данным метеорологической службы «Красина» скоро подуют ветры, которые отгонят напирающие на проливы льды... Терпение, товарищи!

Эта точка зрения начальника экспедиции одержала верх, и совет капитанов — наших лучших ледокольщиков — решил выжидать более благоприятной обстановки на ледовом фронте.

Наши метеорологи одержали крупную победу, хотя и дули бесконечные ветры, гнавшие к проливам несметные ледяные полчища.

Перелом произошел как-то внезапно. Бушевавший у Маточкина Шара шторм силою в 9 баллов стих, и нордовые [1] ветры перешли на южные румбы [2]. В Югорском Шаре, где стоял караван, норды угомонились и потянули зюйдвестовые [3] ветры, правда, слабые, силой всего лишь в 2 балла.

Приостановился с севера приток льдов, который перестал наседать на проливы. Эта коварная страна на каждом шагу ставила головокружительные препятствия:

— Льды, камни, норды...

Казалось, блеснул луч надежды вырваться, наконец, из ледяных обручей, которые все туже и туже стягивали корпус «Красина». Подули долгожданные зюйды! Рассея-

---

[1] Северные.

[2] Компас разбит на определенное число частей, именуемых румбами.

[3] Юго-западные.

лась удушающая тоска, навеянная бессмысленным и гнетущим топтанием на одном месте. В просторной кают-компании опять заседал «полярный совет», обсуждавший вопрос: Двигаться или стоять на месте?

Совещание твердо решило направить караван в Сибирь, но совещание продолжается, обсуждаются технические вопросы, «детали», «мелочи», ибо Арктика не милует тех, которые допустили малейшую непредусмотрительность. Непродуманный шаг — бедствие, катастрофа! А тут пять кораблей, сотни человеческих жизней, тысячи тонн импортных товаров. Капитан «Красина» Михаил Яковлевич Сорокин заметно оживился, когда выступили наружу практические вопросы навигации:

— Гудки хороши?

— У нас ладны, а у вас?

Это означает, что «ладны» гудки на английском пароходе «Сингльтон Абби».

— Хотя и «ладны», нужно будет гудки передавать друг другу, так как последние пароходы могут не услышать сигналов. Этак хвост каравана легко потерять!

Советские капитаны иностранных судов в свою очередь иронически коснулись некоторых «мелочей» навигации:

— Маяки имеются?

— Кроме самоедских чумов... нет ничего.

Совещание пришло к концу. Наши «иностранцы» спешно спускались по шторм-трапу в шлюпку, которая должна была их доставить на суда, сгруппировавшиеся недалеко от «Красина». Начальник экспедиции послал последнее напутствие:

— Итак, ровно в 2 часа ночи ждите условного сигнала.

Итак, час пробил. Арктика не знает такой симфонии звуков. «Красин» застонал сиплым надрывным басом, точно простудил свою гигантскую глотку во время полярных походов.

— Иду вперед, следуйте за мной!

Его стопудовые якорные цепи гремели, наводя панику на полярных жителей.

В ответ раздался пискливый фальцет с «Сингльтона Абби»:

— Следую!

Иностранные пароходы гаммой звуков выражали полную покорность и готовность следовать за «Красиным». «Красин» тронулся в путь. Из видневшегося вдали черного комка начали выползать пароходы. Караван растянулся цепочкой, которая то и дело обрывалась, отдельные звенья

ее скрывались за уступами узкого пролива Югорского Шара. Миновали остров Соколий, оторвавший от нас хвост каравана, скрывший его в угрюмой извилине своих берегов. Но вскоре — совсем по песне о Стеньке Разине! — из-за острова начали выплывать «челны»... Последние клочья суши далеко позади. Караван вытянутой в струнку кильватерной колонной шел открытым Карским морем. Легли на зюйд, на Байдарацкую губу, от которой кривая нашего пути поднималась к норду вдоль полуострова Ямала, где по всем данным разведки «Красина» не должно быть льдов. Туман рассеялся. И действительно Карское море было чисто и дышало мелкой рябью...

«Когда караван минует остров Белый?» — мы все были во власти этого вопроса.

Миновав его, караван неминуемо должен был попасть в теплые течения гигантских водяных артерий Оби и Енисея, которые, как я уже указывал выше, из южных глубин Сибири несут с собой теплые нагретые воды, истребляющие льды даже в северных широтах.

Капитан Сорокин косо посмотрел на меня:

— На море ничего нет определенного.

— Приблизительно когда будет остров Белый?..

— На море, особенно в полярных водах, ничего нет и приблизительного.

Караван плавно разрезал морскую поверхность по ровному шву. Каждая пройденная миля — глава, захватывающая своим огромным содержанием. На наших глазах разрешалась мировая экономическая проблема, подводился блестящий итог попыткам многих поколений смелых людей найти ключ к сказочным богатствам Сибири. Я был в плену этих мыслей и не отрывал глаз от каравана. Едва дошло до моего сознания грозное предостережение:

— На море нет ничего определенного...

Я автоматически повернулся. На нас шли походом льды.

«Красин» вошел в мелко битый пловучий лед. Он шел «напрямик, без изгиба», опрокидывая на обе лопатки игрушечные льдины. Но стройная кильватерная колонна каравана начала рушиться, как карточный домик. Суда обходили льдины, избегая малейшего столкновения с ними, делая зигзаги в поисках между льдами разводьев.

Находившиеся на верхнем мостике командиры сосредоточенно смотрели на растилавшуюся впереди нас завесу тумана. Туман и льды, хотя бы легко проходимые, — сочетание неблагоприятное. «Красин» вошел в кисею тумана, и вместо былого протяжного гудка, уверенно звавшего кара-

ван вперед, вырвались две дряблые короткие нотки, неуверенная трель, на морском языке означавшая:

— Уменьшите ход!

Из серой вуали тумана выглядывал лишь нос «Сингльтона Абби», который, как дисциплинированный солдат в строю, приказание «Красина» немедленно передал по «цепи». Мы внимательно подсчитывали короткие ответные гудки: раз, два, три, четыре, пять! Караван в сборе. Но по мере нашего продвижения вперед туман все более и более сгущается, и уже требовалось напряжение даже зоркого зрения моряка, чтобы разглядеть головное судно каравана. Спасательный круг — в сигнализации! Каждые несколько минут раздавалась какофония звуков, начинался концерт под управлением испытанного «дирижера» «Красина», мобилизовавшего в помощь своим гудкам завывавшую сирену. Пароходы маневрировали между льдами в поисках чистой воды. Наступил тревожный момент. «Красин» дал условный сигнал, который должны были подхватить пароходы, но ответные гудки безмолствовали. Мы явно не досчитали всей армии. Впрочем один только «Сингльтон Аби» с британским спокойствием отвечал пискливым фальцетом, но менее всего мы беспокоились за его судьбу. Ведь он маячил все время перед нашими глазами. Начальник экспедиции тщетно вслушивался в пространство в ожидании ответного рапорта флотилии:

— Ясно — хвост каравана утерян...

Завязывался сложный узел событий. Караван рисковал попасть в такие льды, которые могли его и не выпустить из своих смертных объятий. «Красин» дал два протяжных заунывных гудка:

— Не следуйте за мной, остановитесь!

Нужно было приостановить наше наступление на Арктику, чтобы привести в порядок, подтянуть отставшую, рассеянную где-то армию. С нами поровнялся и остановился почти борт о борт «Сингльтон Абби», выглядывавший из тумана серой мутью. Наша сирена визжала острым пронзительным свистом, временами срываясь с высоких тонов. Можно было оглохнуть от этого непрерывного неунимавшегося визга. Всегда спокойный и уравновешенный второй помощник капитана т. Легздин — и тот нервно покусывал губу:

— Не услышат нас. Ветер относит сирену не в ту сторону...

В помощь сирене «Красина» была мобилизована английская глотка «Сингльтона Абби». После особенно отглу-

шительного аккорда «дуэт» смолкал, и воцарялась тишина, в которой только и можно было услышать ответные сигналы. Они не последовали. «Красин» издал короткий гудок, долгий и опять короткий: «Слушайте радио!»

На иностранных пароходах не было трехсменной вахты радистов, как на «Красине». Наших сигналов не услышали. Мы спокойно выжидали естественного хода событий...

Туман начал заметно рассеиваться, и с разных концов послышались гудки и выплывали пароходы.

— Нитки порядком спутались, — заметил капитан Сорокин.

Суда в спешном порядке строились в колонну. С «Красина» опять раздался один протяжный гудок:

— Иду вперед, следуйте за мной!

Туман совершенно рассеялся. Льды далеко позади. Под 70° 50′ норда и 63° 55′ оста, обменявшись приветствиями, «Красин» расстался с караваном в надежде, что он уже не встретит льдов и благополучно достигнет Сибири, если будет точно итти по пути недавней нашей разведки, вдоль полуострова Ямала.

«Красин» спешил в Югорский Шар навстречу второму каравану, который по расписанию должен был в определенный день войти в пролив.

Красин направлялся ко второму каравану.

— Опять Югорий! Надоел... — фыркают матросы, сумрачно поглядывая на показавшийся вдали пролив Югорского Шара.

К западному входу пролива подошла лишь первая группа второго каравана, представлявшая собой интернациональную смесь из пяти пароходов, советских, английских и норвежских. Льды и туманы точно сговорились между собой шествовать вместе и срывать все наши оперативные планы. Наше командование предложило каравану срочно укрыться в бухте Варнака, пока лед не сорвал якорные цепи и туман не закрыл доступ в нее. А «Красин» направился в тысячу первую разведку. Оказалось, что Югорский пролив чист от льдов.

Опытный советский капитан блестяще провел сложную операцию. В непроницаемой чаще тумана он собрал свое «стадо» и мелким робким шагом, как пастух, гнал пять «овец» к нам, к узким теснинам пролива.

— Опытный капитан! — заметил начальник экспедиции. — Видно, с «Красина» глаз не спускает. Держит курс на наши огни, как на маяк...

— Что думаете делать? — послышался с норвежского головного судна его охрипший от морских ветров голос.

— Стоять на якоре, — ответил в рупор т. Евгенов. — Недалеко от вас льды. Будьте готовы! ..

— Есть!

В ожидании погоды расположились «бивуаком».

Получена радиограмма от командира первого каравана т. Шибинского: «Расчеты «Красина» верны . . . На всем пути пока льдов не встретил . . . Достиг параллели пролива Малыгина . . .» «Красин» давно перестал существовать, как некий неодушевленный предмет, а посему у него бывают свои «расчеты», соображения, планы, порывы, он решает, предпринимает, действует . . . Одержана крупнейшая победа. Арктике нанесен сокрушительный удар! Ведь пролив Малыгина находится под 73° норда! Еще несколько усилий — и сибирское сырье будет вырвано из тенет веков. Вторая группа второго каравана под командованием полярного капитана Рекстина миновала уже остров Колгуев и на всех парах держала курс на Югорский Шар. В ближайшие часы нужно было ожидать каравана. Из черной, едва видневшейся, полосы острова Соколий смотрел на нас мигающий огонек маяка. Матросы разглядывали его, как чудесное видение.

Никак нельзя обойти молчанием еще одно обстоятельство. В караване, расположившемся «бивуаком», был советский пароход «Рабочий», которого иностранные моряки по праву именовали пловучим домом отдыха. При самом строгом подходе никак нельзя было заподозрить, что он предназначен для черной грузовой работы. Во время своих последних скитаний по Европе он всюду производил фурор. Вместо общих затхлых кубриков, тут однотипные каюты, предназначенные для одного либо двух моряков, мягкие пружинные кровати, письменные столы, отполированные дубовые шкафы, зеркальные трюмо, баня, ванны, особые шкафы для спецодежды . . . Экскурсии на «Красин» не прерывались даже тут во льдах. С «Рабочего» спущена была шлюпка, и по истечении нескольких минут по шторм-трапу «Красина» взбирались «полярные» экскурсанты. Красинцы оказали отечественным гостям горячий прием. Гостей водили по всем закоулкам ледокола и показывали трофеи до медвежьего чучела включительно.

Вторая группа второго каравана приближалась к Югорскому Шару. По ту сторону пролива льдов нет, и караван еще не успел испытать прелестей мертвых хваток льдов Карского моря. Из кильватерной колонны начал отделяться

норвежский пароход «Сиксти Фор». Начальник колонны, советский капитан Рекстин, отвечавший за сохранность каждого судна, послал со своего головного английского парохода «Нитс Абби» тревожное радио:

— Истинный курс 93°. Почему вы его изменили? Куда вы идете?

С высокого норвежского капитанского мостика последовал полный достоинства ответ:

— Держу курс на Новый Порт на Оби.

Но норвежский капитан неумолим. Сыну великих мореплавателей следовать в караване, как рядовому в строю, да еще под командованием русских дикарей... Выше сил! И с радиомачты «Сиксти Фор» бросается ответ:

— Имею предписание из Гамбурга направиться на Обь. Ему и подчиняюсь...

— Держите курс на пролив Югорского Шара, — настаивает капитан Рекстин.

— И не подумаю. Следую кратчайшей дорогой через Карские ворота...

Советское командование прекрасно понимало, что «кратчайшая дорога» из Европы в Сибирь проходит через Карские ворота, но там залегают огромной мощности льды и не случайно «Красин» ожидает караван у более разряженных льдов Югорского Шара. Эта «деталь» скоро обнаружилась, и буквально животный страх и холодный ужас обуяли норвежских мореплавателей перед грозной опасностью встретиться со льдами. «Сиксти Фор» на всех парах мчался в кильватерную колонну каравана, под «крылышко» «Красина».

Полку прибыло! К пяти пароходам, расположившимся «бивуаком» в Югорском Шаре, прибавилась еще пятерка, «Красин» — одиннадцатый. Седины Арктики не помнят такого оживления в своих водах... Изредка тюлени высовывали свои головы и в страхе исчезали в морской пучине. Лязг якорных цепей, рев гудков, шумные человеческие голоса создавали колорит южного порта.

Мне пришлось побывать на английском пароходе «Актон Манор», стоявшем тут же на якоре в ожидании своей печальной участи. Один из помощников капитана в минуту откровения сказал:

— Наглость и смелость советских моряков, кажется, перешагнули все грани.

— Например?

— Ведь в караване речной пароход. Неужели вы и его отважитесь проводить через этот ад?!

Английский моряк имел в виду речной буксир «Партизан Щетинкин», маленькое куцее суденышко с большой откидной трубой, которое мы только что приобрели у немцев для пополнения нашей енисейской речной флотилии. Когда буксир готов был покинуть реку и выйти в дальнее плавание, германские портовые власти не хотели его выпускать.

По существующим правилам навигации нельзя выпустить речное судно в море, так как это опасно для жизни...

Долго пришлось доказывать необходимость выпустить буксир. Ведь другого пути как через море из Рейна в Енисей нет.

Буксир «Партизан Щетинин» отправился в свой отважный героический рейс. Как подлинный партизан он совершил тихие набеги на морскую стихию. Его швыряло, как щепку, но он выпрямлялся и опять шел в лобовую атаку...

— Под конец, — рассказывал мне капитан буксира, — я потерял уж представление, по какой части буксира хожу, не то по иллюминаторам, не то по потолку. Буксир шел, как говорят моряки, килем кверху...

«Партизан Щетинкин» без единого повреждения прошел все испытания, благополучно вошел в Енисей и торжественно приступил к исполнению своих речных обязанностей.

Крупные события надвигались быстрым темпом. Предсказание наших метеорологов сбылось — в течение суток дуют ветры южной половины компаса, которые должны смести льды от материка, простирающегося на восток от Югорского Шара, по направлению к Байдарацкой губе. На норде и норд-осте, как наша недавняя разведка показала, лед сплочен и тяжел, а нынешние зюйды его еще более должны сжать. Следовательно мы должны искать прохода на востоке, тут должна быть разрешена судьба сибирского сырья. «Красин» опять направился в ближайшую разведку льдов, не рискуя следовать с караваном, руководствуясь одними лишь гадательными предположениями, ибо Арктика порой отвергает точные теоретические выкладки. Результаты разведки показали, что на востоке простиралась полоса чистой воды. Нависший густой туман не позволял полностью в этом убедиться, независимо от этого нужно было собираться в поход, пока пролив чист, пока не дуют норды, которые могут заткнуть его узкое горло непроходимыми льдами. Туман и не совсем ясное расположение льдов заставляют, однако, соблюсти все меры предосторожности.

— Попытаемся продвинуться только с пятью судами, — распоряжается начальник экспедиции, приказав командо-

ванию остальных судов отступить в случае нового нашествия льдов.

— Наконец-то! — повеселела наша команда, на которую «простои» так же, как и шествие «Красина» в разведку «порожнем», без каравана, действовали в одинаковой мере угнетающе.

Веселое настроение никак не вязалось с надвигавшимися серьезными событиями, чуть было не завершившимися катастрофой. Отрезанный ломоть каравана, выстроившись в кильватерную колонну, под предводительством «Красина» тронулся в путь, лег на ост, где не должны залегать льды. Я неоднократно указывал, что для Арктики никакие законы не писаны. На протяжении лишь двадцати миль мы могли вкушать все прелести плавания в море, которое благоприятные ветры, как добротные швабры, очистили от ледяного мусора. Дымчатая сетка тумана несколько нарушала перспективы, сверкавшие всеми оптимистическими красками, но временами она редела и позволяла лицезреть берега материка. Арктика преподносит сюрпризы с ей одной свойственной неожиданностью... Уныл полярный ландшафт. Особая арктическая тишина усыпляет и не позволяет, облокотившись о борт, долго смотреть в сизые дали. Я направился в кают-кампанию, но, не успев одолеть последней ступени обрывистого крутого трапа, услышал знакомую короткую трель из двух гудков:

— Уменьшите ход!

По «цепи» каравана передавалась команда «Красина», ничего доброго не сулящая. На разные лады переливаясь, постепенно затихая, раздавались тревожные сигналы:

— Уменьшите ход... Уменьшите ход... Уменьшите ход...

Я быстро вскочил на мостик у штурманской рубки:

— Лед! Туман!

Лед был разряжен, рыхл, изъеден полыньями и потому не представлял опасности для плавания наших судов. Хотя строительная программа судов предусматривала столкновения и не с такими льдами, но туман настолько сгустился и окутал нас такой мохнатой непроницаемой дымкой, что даже наши скромные семь узлов таили опасность. Чем больше мы уменьшали ход, тем быстрее надвигалась гроза. По мере продвижения лед из жидкого начал обращаться в густую кашицу, а туман из редкой кисеи — в мрачный густой драп. Из-за тумана опять раздалась симфония гудков, отдававшаяся звоном в ушах. Опять обнаружилось, что исчез норвежец «Сиксти Фор». Сделали привал, шумный,

гудящий, предупреждающий о месте стоянки каравана, но ждать пришлось недолго, послышался ответный сигнал парохода, заблудившегося в тумане. Решено было произвести некоторую перестановку судов, так как у норвежца были слабые гудки. Вместо него шествие каравана замкнул советский пароход «Рабочий», наделенный густым и сильным басом. В этой коварной стране поистине нос вытащишь, хвост увязнет... Все эти предосторожности оказались излишними. Надвигалась еще более грозная опасность. «Красин» всей своей мощной глоткой дал два долгих предупреждающих гудка:

— Не следуйте за мной, остановитесь!

Ледокол наткнулся на столь плотные льды, что они по силам были только его стальному форштевню и десятитысячесильной машине. Ближе к береговой полосе лед был более разряжен и временно мог служить убежищем для каравана. Направив сюда караван, «Красин» отправился в разведку в поисках выхода из ледяного кулака, который сжал караван и мог каждую минуту его сокрушить. Разведка может протекать успешно, когда нет подобного тумана, не позволяющего видеть с капитанского мостика даже нос собственного корабля. Лед, лед, лед. Ледокол все время ударялся о его глухую стену и, свирепея, с грохотом его разбивал вдребезги. Ветры еще более сжимали и уплотняли льды. Совершенно очевидно, что мы попали в ловушку. Со всех сторон нас окружил непроходимый частокол льда. Может быть и была где-нибудь расщелина, через которую мог бы пройти караван, но в тумане ее обнаружить трудно. «Красин» вернулся к каравану.

Суда не имели большой загрузки и не сидели глубоко, винты вращались почти на поверхности моря, в самой гуще льда, рискуя лишиться хрупких чугунных лопастей. В таком подневольном положении могла родиться идея дрейфа во льдах. Он начался в 45 милях от Югорского Шара, у залива Шпиндлера, в нескольких милях от берега. Будущее наше неизвестно. Восточные ветры совершали свое предательское дело и сгущали льды. Давящую неопределенность не могли рассеять никакие прогнозы наших лучших знатоков Арктики.

— Перемена ветров сулит самые благоприятные перспективы. Путь освободится от льдов. У островов Диксон и Белый мы уже льдов не встретим, как и благополучно миновавший их первый караван. Мы на верном пути, ибо северного прохода нет, Карские ворота забиты льдами, на Маточкином Шаре лед в десять баллов...

Суда дрейфовали со скоростью одной мили в час. Это был дрейф в неопределенность... Лед все более сжимал нас в своих мертвых холодных объятиях. Мы его пленники и не можем даже отступать назад, в Югорский Шар. Иностранные пароходы жмутся к «Красину». Команда их испытывает животный страх перед наступающей грозной стихией. У мыса Шпиндлера разыгралась драма, — одна из тех мрачных драм, которые хорошо известны истории

Дрейф во льдах бухты Шпиндлера.

борьбы человека за овладение неприступной страной. «Красин» отделился от каравана и завертел своими тремя стальными винтами. Куда? Кто знает! Опять направился, повидимому, в разведку. Лед был напористый, крепкий, глыбистый и сдавал с боем каждую свою пядь. «Красин» его крошил с грохотом артиллерийской канонады, подминая под себя его разбитые сплюснутые черепки. Мы продвигались медленно.

— Что это?

Артиллерийская канонада начала постепенно затихать. Заглохла.

— Чистая вода!

Всего-то мы прошли во льдах четыре мили. Смехотворно-малый ледяной перешеек отделяет караван чистой воды, но попробуйте его одолеть! Когда мы возвращались к каравану, лед стал еще более непроходимым. Форсировать льды, мрачные, упругие, как сталь? Опасная и рискованная операция, ибо сплошное ледяное поле немедленно смыкало малейшую борозду чистой воды, оставляемую ледоколом. Осколки льда, крепкие, как скалы, выползавшие из его скул,

Иностранные суда зябнули во льдах в ожидании «Красина», отправившегося в поиски чистой воды.

легко могли прободать пароходы и пустить их ко дну. Такая огромная опасность глядела из ледяного барьера в ничтожные четыре мили!

— Льды для каравана непроходимы. Нужно ждать южных ветров, которые должны будут отогнать льды от берега.

А если подуют норды? Нынешний остовый дрейф во льдах таил огромные опасности, так как пароходы легко могли не выдержать сжатия льдов. Нордовые ветры привели бы к полной катастрофе, выбросили бы все пароходы на берег, который был в нескольких милях от нас. «Красин» из-за своей глубокой осадки не мог бы даже пойти на

выручку. Итак, не форсирование и не дрейф... Нужно было как-то распутывать узел, пробовать высвободиться из петли, коварно наброшенной на нас Арктикой. Припертые к ледяной стене, мы решили все же из двух зол выбрать меньшее— форсирование.

«Красин» вступил в бой со льдами, пытаясь хотя бы поодиночке протащить через льды суда. Жребий пал на английский пароход «Нитс Абби». Английские матросы, свободные от вахты, столпились у его высоко поднятой носовой части и облокотились о борт, ждали «Красина». Он прошел несколько десятков метров по ледяным «подмосткам», оставив позади себя борозду чистой воды, которая мгновенно, следом, смыкалась под напором смежных гигантских льдин.

— Идет? — раздался с мостика голос ледокольного капитана т. Сорокина, лично руководившего ответственнейшей операцией.

— Нет, что-то стоит, — крикнул матрос, наблюдавший с кормы «Красина» за ходом английского парохода.—Уперся в льдину.

Ледокол дал задний ход, чтобы скалывать лед кормой и затем рванул вперед.

— Идет?

— Да так, что незаметно...

С необычным упорством «Красин» проделал такую же операцию сызнова. Он дал обратный ход, рвал льдины кормой и решительно надвигался на «Нитс Абби». Спокойствие капитана Сорокина было неподражаемо. В самый критический момент он спокойно посмотрел в другую сторону, где зябнул караван.

Спокойный поворот головы не мешал твердой руке ледокольщика одновременно повернуть рычаг телеграфа против надписи: «полный вперед!» Один поворот рычага, и гигантский ледокол, как покорный ягненок, поплелся вперед.

— Не толкайте нас льдиной... Идите вперед... — послышался из рупора хриплый голос капитана Рекстина, который был на правах начальника второго каравана.

— Мы хотим разбить льдину, которая торчит у вас под носом, — усталым голосом ответил капитан Сорокин.

— Вы ведь одновременно толкаете нас... Винт сломаете...

Во время этих «маневров» бесконечного дерганья ледокола нижняя команда сваливалась с ног. Машинное отделение — ад. Все тут в нервном движении; человеческие тела точно были привязаны к различным частям машин и вместе

с ними совершали самые причудливые манипуляции. Капитан Сорокин прирос к мостику, онемевшей рукой поворачивал рычаг телеграфа и хриплым голосом подавал команду:

— Лево руля!

А «Натс Абби» упирался в льды и не шел вперед, в лучшем случае продвигался на несколько сантиметров.

— Отставить!

«Красин» форсирует льды бухты Шпиндлера.

На снимке: — «Красин» проводит через льды английский пароход «Актон манор». В ожидании своей очереди вдали дрейфует англичанин «Нитс абби».

«Актон Манор», «Филипп Сид», «Сиксти Фор»... От парохода к пароходу подходил «Красин», делая те же тщетные усилия протащить их через ледяной перешеек, отрезавший от Европы Сибирь. Пароходы пытались скользнуть в трещину, уготованную ледоколом. Увы, каждый раз она плотно сшивалась. Очередь дошла до советского парохода «Рабочий».

— Будьте готовы дать задний ход! — крикнул в рупор капитан Сорокин. — Мы иногда сами застреваем во льдах...

— Есть!

«Красин» кружился около него, как пчела у улья, ска-

лывая лед и с фронта, и с тыла, и с боков. Буквально озверев, всей силой своего корпуса он лихо налетел на упрямые льды, которые пытались тяжелой гирей повиснуть на форштевне «Рабочего» и воспрепятствовать его движению.

— Даешь, даешь! — неизвестно кого подбадривали красинцы, столпившись на юте. — Наш идет, идет! .. Давай, давай! .. Жми, жми! .. Так ... Кроши ее ... кроши! ..

Медленно, напористо, пыхтя и скрипя, точно в припадке астмы, пароход достиг чистой воды после многочасовой борьбы со стихией. Важно иное — лед проходим! «Красин», оставив пароход в чистом море, радостно возвращался к каравану, взметая на своем пути ледяные комья ...

Мастерски, с величайшим искусством разметая по сторонам льдины, «Красин» перетаскивал пароход за пароходом через ледяной барьер на чистую воду. Когда очередь дошла до злополучного парохода «Сиксти фор», капитан его не в шутку струсил:

— Не пойду! Рискованно ...

Никакие уговоры не могли воздействовать. Набросили на «Сиксти фор» аркан, буксирный трос, и «Красин» поволок его через ледяное поле. Операция эта сопряжена была исключительным риском, ибо залегавшие не одинаковой мощности льда препятствовали равномерному ходу ледокола, и малейшая задержка его во льдах — на него мог налететь буксируемый им пароход. «Сиксти фор» одолел льды без единой царапины и начал уже хлюпать своими бортами о чистую воду. Капитан его с растерянным видом размахивая шапкой и кричал в каком-то диком исступлении:

Операция прошла блестяще! Льды пройдены. Завершен самый серьезный этап экспедиции. «Красин, салют! .. салют! .. салют! .. Столбовая дорога в Сибирь была открыта.

6. Строительство за Полярным кругом

Английский пароход «Нитс Абби» со всем караваном судов вошел с севера в Енисей и держал путь в строящийся новый портовый город Игарку.

Тайга пребывала в тихой тысячелетней дрёме. Тундра ровная, как ладонь, беззаботно зарылась в мох. Енисей вдоль медвежьих логов катил свои бурные воды. Тунгус прикреплял к стреле наконечник из оленьей жилы и шел походом на лося сохатого. Урча и воя, он неделями травил

зверя, преследуя его по таежным тропам. Сердце лося не выдерживало, и зверь падал к ногам победителя.

На севере — льды Карского моря, тяжелые, мрачные, непроходимые. На юге — беспредельная тайга. Трехмесячная полярная ночь черным траурным крепом закутывает Игарку. Снежные урганы заметают все живое. Саженные снежные сугробы белым саваном покрывают волчьи тропы и медвежьи берлоги. Вечная мерзлота. Шестидесятиградус-

Пароходы входят в Енисей.

ные морозы... Таковы естественные преграды, которые сдерживали потоки революции, но не выдержали ее захлестывающих и сокрушительных валов.

Упрямый сибиряк почесал затылок:

— Шалишь! Не дошел ли до тебя черед?

Вооружившись ломом и топором, пошел он походом. На допотопных катерах, баржах, лихтерах, плотовых «матках», скрепленных стальными тросами, он благополучно миновал острые утесы Казачинского порога, откуда, точно дикий зверь из клетки, вырывается с ревом и гиком Енисей и, обливаясь белой пеной, несется со скоростью шестнадцати километров в час. Сибиряк проскочил и Осиновские пороги, каменистые шевера, мелеющие перекаты, отмахал

тысячи километров и, обливаясь горячим потом, дошел до 67° 30′ северной широты, где Енисей, столкнувшись с Самоедским островом, раздваивается, образуя на востоке тихую заводь, глубокую протоку. Отстегнув отшкур, сибиряк вынул из сакуля топор и лом и трижды сплюнул:

— Здесь!

Отвоеванная у тайги улица строящегося города Игарка.

Здесь расположена была доселе никому неведомая Игарская протока с берегами из «скалистого кряжа» и «рыхлого шифера». Здесь стоял опешивший юрак с двумя оленями, поводившими рогами, когда на покрытый снегом девственный мох высаживались сибирские грузчики и строительные рабочие. Пришельцы крепко жали ему руку.

Отдаваясь эхом в тайге, бьют молоты по железным ломам и клиньям, в поисках грунта пробивают вечную мерзлоту на многие метры вглубь. В течение короткого полярного лета выстроили гигантский лесопильный завод со всеми многочисленными подсобными пристройками, отепленную противопожарную водонапорную башню, водопроводную сеть, электростанцию, траверзный путь, эстокаду с рельсами, бревнотаску, мощную радиостанцию, рабочий

городок, клуб, школу-семилетку, кооперативный универмаг, общественную столовую, пекарню, больницу, склады, конно-хозяйственный двор, молочную ферму, деревянные мостовые... Трудно перечислить все то, что уже выстроено или находится в процессе интенсивной стройки. Туруханск отсюда выглядит недосягаемым курортным южным город-

Порт в Игарке. Для выгрузки импортных товаров иностранный пароход прищвартовался к девственному мху.

ком! За двести километров к северу от Полярного круга строится огромный «арктический» индустриальный центр, в котором наряду с лесопильным заводом создается фанерно-целлюлозный комбинат наряду с комбинатом — бондарно-ящичное производство для продукции консервного завода, наряду с ящичным производством — графитная мельница, с мельницей — причальные линии порта.

Подкошенная тайга завыла и рухнула.

Фантастические темпы индустриализации за Полярным кругом сочетаются с гигантскими масштабами.

— Радиостанция!

Радиоволны, пущенные с ее металлического колосса, будут достигать Новосибирска и караванов морских судов, плавающих на Северном Ледовитом океане.

— Противопожарный водопровод!

Он будет выбрасывать гигантские столбы воды со скоростью двадцати тысяч ведер в час!

— Электростанция!

Восемьсот пятьдесят сил ее будут электрическим светом прорезать трехмесячный полярный мрак!

— Деревянные мосты!

По ним зашагают американские автовозы, которые пол-

Порт в Игарке. Погрузка сибирским лесом иностранного парохода, прибывшего в Енисей Северным морским путем.

ными охапками будут брать с лесопильного завода лес и швырять в иностраннные люки!

— Порт!

Речной порт, в который смогут входить морские суда! Они уже вошли...

В истории завоевания Арктики открылась одна из наиболее блестящих страниц. Сон на яву. Мечты об экономическом использовании страны вечного льда и мрака облеклись в реальные формы. Люди большевистского племени строят в этих медвежьих логах сибирский порт, откуда наиболее коротким и дешевым Северным морским путем, через льды Карского моря, вырвутся из тисков бездорожья на

мировой рынок лес, лен, кожа, кудель, волос, рыба, графит. По бурному Енисею из Игарки в глубь Сибири потекут тысячи тонн импортного сырья.

Игарка — место встречи морских и речных караванов для взаимных перегрузок экспортных и импортных товаров.

Игарка — это индустриальный пункт, куда уже сейчас начинают тянуться самоеды, тунгусы, остяки, привлеченные ревом пароходных гудков и шумом строящегося города.

Самоядский чум в Дудинке.

Игарка — это октябрьский переворот в Арктике.

Игарка — это «каменистые утесы», с которых сорвалась старая Арктика и рухнула.

Пройдитесь исторической тропой Нансена теперь и вы увидите следы ее победоносного шествия. Дудинка! Тут «истоки» Хатангской тундры, необозримой, страшной, переваливающейся за 74° северной широты, дышащей уже дыханием северного полюса, окутанной трехмесячным полярным мраком, охваченной снежными ураганами, пургой... Даже у закаленного в боях с полярной стихией Нансена нашлась одна только характеристика этих мест:

«Вырождение самоедов тем печальнее, что только они одни с их укладом жизни могут использовать необозримые

пространства тундры, чему никогда не выучатся белые расы».

Сотни представителей ленинградских и других пролетариев, сибирских партизан живут, работают, воздвигают величественное здание революции и в Дудинке, и в Хатангской тундре, и в Анабаре... Былые партизаны, а ныне работники фактории Госторга и интегральной кооперации, погоняя оленей, в нартах преодолевают снежные ураганы на пути в страшную Хатангскую тундру, отдаляются на тысячу километров от Дудинки, являющейся лишь перевалочным пунктом. Так за один лишь 1929 год фактория Госторга направила в тундру тридцать тысяч пудов товара, а интегральная кооперация и того более — сорок тысяч!

Местные кооперативные работники направляют в Хатангскую тундру десятки тысяч пудов муки, чая, сахара, сухарей, мануфактуры, дроби, ружей, капканов, ниток для промыслов.

Когда запасы продовольствая иссякают, туземцы впрягают оленей в нарты и спешат в Дудинку — столицу Хатангской тундры, в которой находится местный универмаг. В любое время дня и ночи универмаг срочно отпускает товары, так как задерживать покупателя нельзя. К стойлу не привяжешь оленя, который сам добывает свой скромный корм — мох, углубившись на десятки километров в дебри тундры. Каждый свой редкий визит туземец старается использовать целиком и полностью. Я был свидетелем того, как один самоед, нагрузив свои нарты всякой снедью до конфет и пряников включительно, начал очень внимательно осматривать новые советские нарты, которые стояли рядами у помещения интегральной кооперации. Собственно говоря, это — не нарты, а комфортабельно устроенная квартира с дверьми и окнами, покоящаяся на полозьях. Она представляет собой остов из прочного дерева, который самоеду предстоит лишь обшить оленьими шкурами и позаботиться о соответствующем убранстве этой подвижной жилой площади. Никак не мог подозревать великий знаток Артики Нансен, что будет существовать власть, которая проявляла бы такую величайшую заботу о пролетариях тундры, заброшенных за две тысячи километров к северу от Красноярска!

Вопросы культурного пересоздания Арктики революцией заслуживают большего внимания. Дудинка, та самая, которая «расположена на высоком восточном берегу реки» и почти под 70° северной широты, имеет все же школу, где сорок ребятишек грызут гранит науки. Советская школа работает и на Новой Земле.

Все рабочие и служащие организованы в союзы.

Всматриваюсь в лицо председателя месткома, объединяющего сто членов союзов совторгслужащих, медсантруда и рабпроса, рассеянных в Дудинке, Гольчихе, Хатангской тундре. Председатель ловит мой испытующий взгляд:

— Местком у нас организован по всем правилам демократии и состоит из трех членов и двух кандидатов.

Демократия в Арктике!

— Помимо месткома, у нас работают экономкомиссия, культкомиссия, расценочно-конфликтная, комиссия по охране труда. Помимо комиссий, у нас работают кружки: военный, физкультурный, драматический...

— Какие пьесы он ставит?

— Разумеется современные.

Современные пьесы, пользующиеся огромным успехом у самоедов, ставятся на просторной клубной сцене, хотя она заброшена за полтысячи километров севернее Полярного круга. Вы узнаете, что существует здесь коллективный договор, предусматривающий оплату коммунальных услуг даже в Хатангской тундре; дошло до Дудинки социалистическое соревнование, и под 70° норда организован штаб его, проводящий соревнование с Туруханском; существует легкая кавалерия, совершающая набеги на интегральную кооперацию для проверки отпуска товаров туземцам; приезжала из Туруханска в Арктику комиссия по чистке партийного и советского аппаратов. В ваших глазах плывут фиолетовые круги от головокружительной работы, которую проделали подлинные герои, большевики Арктики, отрезанные от всего мира, брошенные в ледяные поля, занесенные снежными ураганами.

Хатангская тундра раздирается на части подлинной классовой борьбой. В руках нескольких хозяйств сосредоточено 50% всех оленей, отдельные «арктические» кулаки владеют стадами, насчитывающими до десяти тысяч голов. Да, да. Даже в стране вечного льда и мрака имеются кулаки и бедняки, и середняки. Со знаменем классовой борьбы большевики проникли в Арктику и провели классовую диференциацию. И до этих мест добрался правый уклон, отрицающий возможность эксплоатации и классового расслоения среди туземцев, здесь среди этой дикой природы. Абсурд! Никаких иллюзий по поводу трогательной взаимопомощи в смертоносной снежной лавине. Наоборот, тут существуют особенно утонченные формы эксплоатации бедноты, коварный обычай тундры прекреплять под видом благотворительности бедняцкие хозяйства к зажиточным.

— Жалко де тебя. Без оленей погибнешь во льдах. Приходи с семьей в мой чум . . .

И жертва «благотворительности» обращается попросту в дешевую рабочую силу.

Арктика, вошедшая в классическую полярную литературу, нисколько не походит на современную советскую Арктику с риком, месткомом, с классовой борьбой, индустриализацией, кооперацией, гигантскими проектами ее полнейшего пересоздания. Старая Арктика перестает существовать!

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

